

На правах рукописи

Хусаинова Гульнур Рашидовна

**БАШКИРСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ:
ПОЭТИКА И ТЕКСТОЛОГИЯ**

Специальность: 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в отделе фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Алиева Алла Ивановна

Официальные оппоненты:

Владыкина Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Имаева Гульнара Зайнетдиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарно-социальных дисциплин Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «3» октября 2017 года в 14.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и сайте Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/2424-bashkirskie-volshebnye-skazki-poetika-i-tekstologiya>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук

С.П. Сорокина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Башкиры – один из древних этносов Евразии, сформировавшийся на Южном Урале в первом тысячелетии нашей эры, в сложении которого участвовали индоиранский, финно-угорский и тюркский этнокультурные компоненты.

Башкирский фольклор состоит из древних форм типа мифы, алгыш (благопожелания), каргыш (проклятие), харнау (заклинательно-заговорная формула), обрядовая поэзия и традиционных жанров как эпос, сказки, несказочная проза (легенды, предания, устные рассказы, былички), разнообразие песенные жанры (протяжные песни, короткие песни, такмаки (частушки), баиты (баллады), мунажаты (религиозные/духовные стихи), малые жанры (пословицы, поговорки, загадки, приметы).

Значительное место в башкирском фольклоре занимают сказки (экиэтгәр). Это сказки о животных, богатырские, волшебные, бытовые. Согласно классификации М.Х. Мингажетдинова, волшебные сказки делятся на собственно-волшебные и волшеббно-героические, исследованию которых посвящена реферируемая диссертация.

Степень разработанности проблемы. В отечественном сказковедении существуют серьезные исследования по сказкам. Прежде всего, это работы В.Я. Проппа, А.И. Никифорова, Е.М. Мелетинского, В.П. Аникина, Э.В. Померанцевой, Н.В. Новикова, Л.Г. Барага, Т.В. Зуевой, Р.П. Матвеевой и др. В них убедительно показано, что законы сказочной поэтики у разных народов в принципе одинаковы, поскольку они специфичны для народного творчества как такового. Национальное своеобразие сказок и их особый колорит находят выражение в образах положительного героя, его антагонистов, в конкретных сказочных формулах, художественно-выразительных языковых средствах.

По наблюдениям известного башкирского сказковеда А.М. Сулейманова, “первой башкирской народной сказкой, увидевшей свет в 1859 г., стала бытовая сказка “О смелом царе” в публикации преподавателя восточных языков Оренбургского кадетского корпуса М.М. Бикчурина”¹. Еще одну башкирскую бытовую сказку “Три сына” на местном диалекте напечатал в русской транскрипции в 1861 г. другой тюрколог, преподаватель Казанского университета Н.И. Ильминский”².

Башкирский фольклор, как и фольклор многих других народов, привлек внимание русских исследователей во второй половине XIX в., чему способствовало открытие в 1869 г. Оренбургского отдела Русского географического общества. В фольклорно-этнографическом изучении Южного Урала – исконной территории башкир – большую активность проявляли представители русской науки.

¹ Сулейманов А.М. Башкирские народные бытовые сказки: Сюжетный репертуар и поэтика. М.: Наука, 1994. С. 3.

² Ильминский Н.И. Башкирский рассказ // Ученые записки Казанского императорского университета. Кн. 3. Казань, 1861. С. 56-59.

“В научном архиве Русского географического общества СССР сохранилась одна тетрадь С.Г. Рыбакова, куда в числе записей произведений других жанров он заносил и народные сказки. Здесь два текста – “Царевич Сиржатжан” и “Богатырь Галий” – названы башкирскими сказками. Они переведены на русский язык, по-видимому, самим Рыбаковым”¹ и “краеведом Р.Г. Игнатьевым, в переводе на русский язык публикуются три сказки героического содержания (“Сказка о беркуте”, “Сказка о Сари-Сагибе”, “Сказка о батыре Чемидчудзине”)².

В начале XX в. активизируется сбор и публикация башкирских сказок. “В 1910 г., благодаря башкирскому ученому-просветителю Р. Фахретдинову, увидела свет первая башкирская волшебная сказка “Башкорт шиүәсендә әкиәт” (“Сказка на башкирском наречии”)³.

В 1912 г. местный энтузиаст М. Лось из записей учителя Г. Магазова публикует на русском языке восемь сказок. Из них две волшебные: “Суяльбай и его тулпар”, “Тимербулат”⁴.

В 1914 г. известный исследователь русского фольклора Д.К. Зеленин напечатал двенадцать башкирских сказок, записанных им от башкир Пермской губернии, из них шесть – волшебные: “Рога”, “Купеческий сын”, “Убыр”, “Водяная девица”, “Быжырмэргэн”, “Золотая бабка”⁵. Башкирские сказки из этой книги перепечатаны в переводе на английский язык.

В 1940 г. в книге “Уральские сказки” уральский краевед В.П. Бирюков опубликовал две башкирские волшебные сказки: “Легенда о курае”, “Золотая гора”⁶.

В 1941 г. увидела свет под редакцией профессора Н.К. Дмитриева в статусе первого научного сборника башкирских народных сказок книга “Башкирские народные сказки”⁷, составленная из материалов, собранных А.Г. Бессоновым в конце XIX – начале XX вв. Вступительная статья Н.К. Дмитриева к названному сборнику содержит огромную информацию о собирательской и научной деятельности А.Г. Бессонова, является первой научной работой по башкирским сказкам.

Почти два десятилетия после публикации Н.К. Дмитриевым “Башкирских народных сказок” (1941 г.) жанр сказки в башкирской фольклористике оставался без исследовательского внимания. Следующее научное издание башкирских

¹ Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра. Уфа: Гилем, 2008. С. 5.

² Игнатьев Р.Г. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан оренбургского края // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875. С. 207-222.

³ Зарипов Н.Т. Указ. раб. С. 6.

⁴ Лось М. Башкирские сказки // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 15. С. 173-180; № 7-8. С. 262-270.

⁵ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии (с приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещеряжской) // Записки Императорского русского географического общества. Т. II. Пг., 1914. С. 441-490.

⁶ Бирюков В.П. Уральские сказки. 1940.

⁷ Башкирские народные сказки / Запись и перевод А.Г. Бессонова. Ред., введение и примеч. Действит. Члена Географического общества проф. Н.К. Дмитриева. Уфа: Башгосиздат, 1941.

сказок было осуществлено А.И. Харисовым в числе других жанров в трехтомном своде “Башкирского народного творчества” на башкирском языке в 1959 г. Во вступительной статье к названному тому А.И. Харисов впервые в башкирской фольклористике, излагая историю собирания и издания башкирских сказок, отмечает, что “если работу по сбору и изучению башкирских народных песен начал С.Г. Рыбаков, то первый большой труд по записи башкирских народных сказок и переводу их на русский язык осуществил А.Г. Бессонов”¹.

В 1972-1986 гг. коллективом фольклористов Республики Башкортостан был подготовлен и издан 18-томный свод “Башкирское народное творчество” на языке оригинала, пять книг которого составили сказки (1976, 1976, 1978, 1981, 1982). Очень ценным в томах сказок после текстов являются комментарии, составленные на русском языке для расширения возможностей сопоставительного изучения жанра сказок фольклористами других регионов. Как точно заметил об этом известный башкирский фольклорист Н.Т. Зарипов, “здесь кроме обязательных сведений об источниках текстов, дан типологический анализ сюжетов на фоне сказочного творчества других народов, прежде всего, ближайшего тюркоязычного и славяноязычного окружения, и сведения о башкирских и других национальных вариантах данного сюжетного типа, о его фольклорной и литературной истории и географии распространения”. Тома сказок свода были подготовлены при участии известного ученого Л.Г. Барага, профессора Башкирского государственного университета.

В 1970-е годы с серьезными публикациями по башкирским сказкам начинает выступать М.Х. Мингажетдинов. Ряд статей исследователя свидетельствуют о качественно новом научном подходе к изучению башкирских сказок и они не потеряли научную актуальность по настоящее время.

Достойны также внимания наблюдения Л.Г. Барага, показавшего в своих статьях межэтнические связи русских и башкир, получивших отражение в башкирских сказках (1979); Н.В. Бикбулатова, обнаружившего в башкирских сказках древние обычаи минората и майората (1974); Г.Б. Хусаинова, написавшего о выразительных средствах народных сказок башкир (1978), М.В. Зайнуллина, впервые обратившего внимание на изучение языка башкирских народных сказок (1974, 1976).

В начале 1990-х годов защитила кандидатскую диссертацию на тему “Поэтика башкирских волшебных сказок” автор этих строк, а в 2000 г. опубликовала на ее основе монографию “Поэтика башкирской народной волшебной сказки: формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени».

В настоящее время мы имеем также 3 книги сказок в 12-томном научном своде “Башкирское народное творчество” (1972-1985) на русском языке. В серии

¹ Харисов А.И. Предисловие // Башкирское народное творчество / Сост.-ред., автор вступит. ст. и коммент. А.И. Харисов. Уфа, 1959. С. 6. (на башк. яз.)

“Башкирское народное творчество” в 36 томах на башкирском языке изданы тома “Новеллистические сказки” (2008), “Сказки о животных” (2009), “Сатирические и юмористические сказки” (2015). Интерес исследователей к башкирским народным сказкам растет. Сказковед Г.З. Имаева в монографии “Народная сказка и ее литературные переложения” (2004), прослеживая эволюцию сказок сюжетных типов “Шемякин суд”, “Ерш Ершович”, “Сокровища Рампсинита”, привлекает в качестве сравнительного материала башкирские сказки. К названному жанру обратилась в монографии “Нравственный выбор в башкирской сказке (философско-мировоззренческий анализ)” философ Л.А. Иткулова (2002). Она рассматривает проблему нравственного выбора героя сказки. Башкирский языковед Г.Г. Кульсарина в монографии “Язык и стиль башкирских народных сказок» (2009) исследует лингвостилистику и лингвопоэтику башкирских народных сказок, рассматривая их морфологические и синтаксические особенности, выявляя стилистические средства, используемые в их структуре.

Л.А. Хайрнурова в кандидатской диссертации “Традиционные формулы в фольклорном тексте (на материале русских и башкирских волшебных сказок)» (2013) впервые специально исследует язык русских и башкирских волшебных сказок с учетом национально-культурной и сюжетной специфики.

Этнологи А.Ф. Илимбетова и Ф.Ф. Илимбетов в монографии “Культ животных в мифоритуальной традиции башкир» (2012), посвященной истории почитания животных, также опираются на башкирский сказочный материал.

В 2014 году увидела свет вторая монография диссертанта – “Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология”.

Актуальность темы. В XXI веке интерес к проблемам фольклористики заметно возрос в связи с усилением интереса народов к своим духовным ценностям. Изучение жанровой специфики и особенностей бытования народного творчества в региональном контексте еще более актуализирует этот процесс и являет собой одно из приоритетных направлений современной фольклористики. Такой подход способствует объективному выявлению исторических ценностей, ареальных традиций, ментальных особенностей и созданию целостной картины многогранной традиционной культуры народа. Поэтому исследования регионального фольклора составляют важную и востребованную часть современной науки. Сегодня на фоне все ускоряющегося научно-технического прогресса, необходимости новых ценностных общественных ориентиров встает задача изучения и сохранения “этнического ядра” различных культур, неотъемлемую часть которых составляют народные сказки. Они являются важнейшей составляющей “духовной оседлости”, “нравственной самодисциплины и социальности” этноса (Д.С. Лихачев), служат идее сохранения этнокультурного плюрализма в регионе и стране. При этом “выдвижение проблемы межэтнических, региональных общностей существенно корректирует и дополняет общетипологический подход к фольклору.

Повторяемость и правильность явлений предстает при этом в учащенном, конденсированном выражении”¹.

Сказка (башк. экият) – один из самых крупных, интересных, но и необычайно сложных жанров устного народного творчества. В сказке, как и во всем фольклоре, отразилась жизнь народа, его мировоззрение. Сказки входят в золотой фонд классического наследия мирового фольклора. В сказке говорится о вечном: о жизни и смерти, о любви и ненависти, о благородстве и подлости, о борьбе добра и зла, т.е. о том, что всегда волновало и будет волновать человечество. Даже если в настоящее время развлекательность и занимательность сказки сдали свои позиции, нельзя отрицать большого воспитательного значения сказок. Сказки также выполняют функцию сближения народов, ибо сказки народов мира связаны между собой особыми фольклорными законами, пока еще до конца не выявленными и не проясненными.

Рассмотрение жанра башкирских волшебных сказок в реферируемой работе чрезвычайно важно по целому ряду причин.

Во-первых, потому, что в диссертации дается историография вопроса в контексте современного состояния исследований данного жанра.

Во-вторых, проводится типологический анализ по системам Аарне-Томпсона-Утера (ATU) и Эберхарда-Боратава (Eb.-Bo.) с установлением типов сюжетных контаминаций и локальных (башкирских) сюжетов.

В-третьих, в определенной последовательности рассматривается система образов: герой, противники героя, помощники героя. Характеризуются персонажи каждой подгруппы с показом их функций.

В-четвертых, рассматривается ряд сюжетообразующих мотивов, в основе которых лежат явления, отношения, конфликты, характерные для самых ранних стадий человеческого общества, и они соотносятся с мифическими представлениями и этническими особенностями быта башкир.

В-пятых, путем текстологического сличения выявляются сходные мотивы, образы, формулы в сказках евразийских народов.

В-шестых, показывается взаимодействие волшебной сказки с эпосом и песнями.

В-седьмых, в сравнительном аспекте рассматриваются формулы женской красоты в сказках тюрко-монгольских, восточнославянских и более дальних (арабские, бенгальские, тибетские) народов.

В-восьмых, показывается отражение материальной (на примере войлока и элементов одежды) и духовной (на основе взаимосвязи с исламом) культур в башкирских волшебных сказках.

В-девятых, ставится проблема изучения концептосферы башкирской волшебной сказки и демонстрируется на концептах “гора”, “счастье”.

Сказочное наследие башкир – как узел переплетения разнообразных

¹ Гацак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975. С.3.

фольклорных традиций, в котором сочетается общенациональное и местное начало, как “культурные гнезда” (Н.К. Пиксанов), в которых происходит “системное форматирование условий для развития духовного мира человека” – исследовано недостаточно. Комплексное изучение жанра башкирских волшебных сказок необходимо для более полного представления о башкирской сказке как органичной части этнокультуры башкирского народа. Оно представляется весьма актуальным для создания истории башкирского фольклора, его научной систематизации и классификации, разработки исторической поэтики башкирских повествовательных жанров.

Для сравнительного сопоставления и углубления понимания башкирской волшебной сказки привлечены материалы не только тюркских, восточнославянских народов, но и более дальних евразийских народов.

Актуальность изучения обозначенной проблемы возрастает в связи с тем, что на протяжении последних пятнадцати лет продолжалась фиксация записей башкирских народных сказок из уст информантов и они постепенно вводятся в научный оборот.

Объект исследования – башкирские волшебные сказки.

Для сравнительного сопоставления и углубления понимания башкирской волшебной сказки привлечены сказочные тексты восточных славян и ряда родственных тюркских народов: татарских, алтайских, тувинских, якутских, узбекских, туркменских, дагестанских, турецких и др.

Предмет исследования – поэтика и текстология башкирских народных волшебных сказок.

Целью настоящего исследования является изучение башкирской волшебной сказки в плане поэтики и текстологии, для чего необходимо раскрыть идейно-художественные особенности жанра, дать подробную характеристику сюжетно-тематического фонда башкирской волшебной сказки в сопоставлении с указателями международных сказочных сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (ATU) и Эберхарда-Боратава (Eb.-Bo.)¹, изучить систему образов и основной ряд сюжетообразующих мотивов, показать взаимосвязи и взаимовлияние жанров башкирского фольклора (эпос и сказка). Не менее важной целью диссертации является обнаружение национальной и художественной самобытности башкирской волшебной сказки, ее мировоззренческой и этносоциальной роли в изучении истории и быта башкирского народа. Исследование башкирской сказки оказывается плодотворным при рассмотрении проблемы взаимоотношения традиции и новаторства в фольклоре. Изучение сказок по возможности в исчерпывающем комплексе вариантов, а также с привлечением евразийских

¹ Uther H.-J. The Types of International Folktales a Classification and Bibliography. Parts I-III. Helsinki, 2004 (ATU); Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979 (СУС); Typen turkischer Volksmärchen von W. Eberhard und P.N. Boratav. Weisbaden, 1953 (Eb.-Bo.).

вариантов, способствует осознанию того, что те черты, которые иногда принимаются некоторыми исследователями за “индивидуальное начало”, оказываются проявлением определенной коллективной тенденции, возникающей в процессе эволюции сказочного сюжета.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

– осветить историографию вопроса в контексте современного состояния исследований данного жанра;

– опираясь на теорию П.Г. Богатырева, показать влияние традиции и импровизации на сказки в современной записи;

– осуществить типологический анализ сюжетов по системе Аарне Томпсона-Утера (ATU) и Эберхарда-Боратава (Eb.-Bo.) с установлением типов сюжетных контаминаций и локальных (башкирских) сюжетов;

– провести анализ системы сказочных персонажей с выявлением их функций;

– выявить и рассмотреть сюжетообразующие мотивы, в основе которых лежат явления, отношения, конфликты, характерные для самых ранних стадий человеческого общества, и они соотносятся с мифическими представлениями и этническими особенностями быта башкир;

– показать взаимодействие башкирской волшебной сказки с другими жанрами;

– сопоставить типологию башкирских сказок с международными сюжетами сказок родственных тюркских и соседних восточнославянских, финно-угорских и других народов; осуществить их сравнительный анализ для выяснения специфики башкирских сюжетов;

– показать отражение материальной и духовной культуры башкир в их волшебных сказках.

Материалом диссертационного исследования явились издания башкирских сказок, увидевших свет, начиная со второй половины XIX века до настоящего времени, и материалы Научного архива Уфимского научного центра РАН. Для исследовательского анализа автором были также привлечены собственные записи сказок, экспедиционные дневники и комментарии носителей фольклора (в период с 1984 по 2015 гг. были обследованы более 30 районов Республики Башкортостан, башкирские села в Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областях и в Пермском крае).

Соискателем за последние 13 лет осуществлены 23 экспедиционных выезда (из них в 15 экспедициях – руководителем) в 15 районов Республики Башкортостан: Зилаирский (2003), Альшеевский (2004), Янаульский (2005), Бураевский (2006), Аскинский (2007), Балтачевский (2008), Бурзянский (2009), Хайбуллинский (2010), Учалинский (2011), Белорецкий (2011), Баймакский (2012), Кугарчинский (2013), Зианчуринский (2014), Федоровский (2015), Миякинский (2016), а также в Челябинскую (2009), Курганскую (2010, 2016), Свердловскую (2004, 2005), Оренбургскую области (2011, 2012) и в Пермский край (2013).

Основные усилия во время экспедиций были направлены на диктофонную фиксацию сказок, которые в расшифрованном виде представлены в приложении к диссертации с учетом теоретико-методологических принципов современной текстологии: научной достоверности, аутентичности, подлинности записей текстов, их послеэкспедиционного всестороннего тщательного анализа.

В приложении даны 16 текстов башкирских волшебных сказок, записанные в 2006-2012 гг.

Для анализа сюжетно-поэтических особенностей башкирских сказок привлечены сказочные произведения как родственных тюркских, так и восточнославянских и других, более далеких фольклорных традиций. Наблюдения над волшебными сказками башкир делаются на основе тщательного рассмотрения всей суммы разновременных и разнорегиональных записей любого изучаемого сюжета, с учетом уникальности, повторяемости и частотности каждого значимого сюжетного элемента и их комбинаторики.

Методологические принципы диссертации. Основным методом филологического исследования стал сравнительно-исторический. Использование этого метода обусловлено тем, что сказка представляет собой полистадиальное явление, в котором нашло отражение несколько исторических фаз развития данного жанрового камплекса, начиная с простых исходных основ, формируясь в широком контексте всей этнофольклорной традиции при тесных контактах с другими жанрами фольклора. При этом сказка продолжает сохранять сформировавшуюся стабильную структуру.

В процессе работы над диссертацией автор опирался на теоретические труды А.Н. Веселовского, Р.М. Волкова, В.П. Аникина, В.Я. Проппа, Э.В. Померанцевой, Н. Рошияну, Л.Г. Барага, В.М. Гацака, А.И. Алиевой, М.Х. Мингажетдинова, Н.Т. Зарипова, А.М. Сулейманова, Т.В. Зуевой, Е.И. Лутовиновой, Г.З. Имаевой, В.Е. Добровольской, Т.М. Садаловой, М.А. Демчиновой, Е.А. Самоделовой, Т.Ю. Хэмлет¹ и др.

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1989 (1-е изд. – 1940); Волков Р.М. Сказка: Разыскания по сюжетосложению народной сказки: сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса, 1924 (и др. работы Р.М. Волкова); Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1959; Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000 (1-е изд. – 1946); Он же. Морфология волшебной сказки. М., 2005 (1-е изд. - 1928); Померанцева Э.В. Судьба русской сказки. М., 1965; Мингажетдинов М.Х. Волшебные сказки. Уфа, 1976; Бараг Л.Г. Комментарии к томам сказок серии «Башкирское народное творчество. Уфа, 1976, 1978, 1980; Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986; Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989; Сулейманов А.М. Башкирские народные бытовые сказки. М., 1994; Зуева Т.В. Художественная специфика волшебной сказки // Жанровая специфика фольклора: Межвуз. сб. науч. трудов. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. С. 15-30; Зуева Т.В. Волшебная сказка. М.: Прометей, 1993; Зуева Т.В. Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития. Диссерт. ...доктора филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995; Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки. Уфа, 2008; Имаева Г.З. Народная сказка и ее литературные переложения. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008; Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: типология, поэтика и текстология. Горно-Алтайск, 2008; Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009; Самоделова Е.А. Сказки и сказочники Центральной России в конце XX – начале XXI веков: наблюдение-исследование. Т. 2. Рязанский этнографический вестник. Вып. 51. 2013; Хэмлет Т.Ю. Сюжет

Работа выполнена с учетом актуальных требований современной фольклористики: с детальным анализом аутентичных и текстологически выверенных записей башкирских волшебных сказок, с применением собственно фольклористического и структурно-типологического методов исследования, с точным и доказательным обоснованием полученных теоретических выводов.

Научная новизна работы. Впервые башкирская волшебная сказка изучается в комплексе проблем фольклорной поэтики и исследования евразийских параллелей сказочных произведений.

К анализу башкирских сказок применяется комплексный подход, согласно которому сопоставляются сходные сказочные мотивы и образы, сравниваются сюжетные схемы и персонажи генетически близких жанров (эпоса и быличек), привлекаются данные народных обычаев и сведения о предметах материальной культуры, которые нашли отражение в сказочных текстах; сопоставляются сказочные варианты, принадлежащие различным локальным традициям и записанные в разное время у башкир.

Сравнительно-типологическое исследование проводится с привлечением сказок других народов для анализа сюжетного сходства и различия: с целью установить уникальность или, наоборот, типичность целого ряда башкирских сказок, вписать их в систему международных сказочных сюжетов.

Диссертационное исследование башкирской волшебной сказки является новой ступенью в изучении и классификации сказочного фонда.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что на материале башкирских сказок, записанных автором в начале XXI в., охарактеризовано новое состояние волшебной сказочной традиции народа; выявлены основные закономерности в изменении манеры рассказывания сказок в современных условиях; отмечены постепенный отход сказочников от “традиционного” стиля сказки и частичное разрушение ее сюжетостроения (хотя иногда обнаруживаются отдельные великолепные стилевые моменты).

При анализе разновременных записей башкирских волшебных сказок, осуществленных в различных районах Башкирии и других регионов Российской Федерации, прослеживается историческая эволюция жанра. Выработаны методологические подходы к сопоставлению сказок башкир со сказочными произведениями других народов (родственных и неродственных, соседствующих и территориально отдаленных); национальные сказочные сюжетные типы вводятся в мировой контекст.

При подробном анализе сюжетного состава сказок башкир установлены типы сюжетных контаминаций и локальные сюжеты. При анализе предметных реалий и концептосферы башкирской волшебной сказки, при сравнительном изучении с

евразийскими сказками выявляется особая этническая наполненность, наиболее ощутимая в образах героя и сказочных чудищ.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в сказковедении и текстологии фольклора, при создании каталогов башкирской и других тюркских сказок, при дальнейшем изучении поэтики и текстологии тюркских сказок, в сравнительном исследовании текстов сказок и эпических сказаний, в постижении фольклоризма башкирских писателей, обращавшихся к сказочному фольклору.

Основные выводы диссертации могут найти применение в вузовских программах, учебниках и учебно-методических пособиях по башкирской филологии и этнолингвистике, в спецкурсах и спецсеминарах по комплексному изучению культуры башкирского народа, при составлении текстологического и реально-исторического комментария к научным изданиям сказок, при переводческой работе с башкирскими сказками.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на расширенном заседании отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН от 06.02.2015 и рекомендована к защите в диссертационном совете по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 95 публикациях общим объемом более 30 п.л. Наиболее важные положения опубликованы в двух монографиях, одном сборнике статей (в соавторстве), 15 текстологических изданиях, 18 статьях в журналах из перечня, утвержденного ВАК, а также в докладах и выступлениях на Международных конференциях (Баку (2004, 2014), Алматы (2006), Абакан (2010), Казань (2010, 2014, 2016), Анкара (2011), Кызыл (2013), Астрахань (2013), Ашхабад (2013), Актюбинск (2016), Сухум (2016) и Всероссийских конференциях, в числе которых: Магас (2001), Уфа (2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015), Стерлитамак (2005, 2016), Москва (2006, 2010, 2013, 2014), Саранск (2007), Махачкала (2010), Горно-Алтайск (2012, 2015).

Основные положения, выносимые на защиту:

— Современное состояние башкирской народной волшебной сказки характеризуется постепенным угасанием традиции ее исполнения, но в единичных случаях становится ярким образцом устного сказочного творчества как по содержанию, так и по манере исполнения.

— В своей основе сюжетный состав башкирских сказок восходит к древним мифологическим мотивам, что способствовало формированию общеизвестных сказок, в частности, относящихся к разделам “Чудесный противник” и “Чудесный помощник” указателя Аарне-Томпсона-Утера, и локальных сюжетов волшебных сказок: «Галия» (Сказки 1976 (1), с. 135) «Уральская вода» (Сказки 1976 (1), с. 169), «Юха» (Сказки 1976 (1), с. 264), «Старик пастух» (Сказки 1976 (1), с. 324), «Смерть мэскэй» (Сказки 1976 (1), с. 223), «Бадигульямал и Сайфелмулюк» (Сказки 1976 (2), с. 101), «Дандан-батыр» (Сказки 1976 (2), с.

110), «Лебединое молоко» (Сказки 1976 (2), с. 145), «Горшок с трещиной» (Сказки 1976 (1), с. 359).

— Сравнительный анализ вариантов отдельных сюжетов позволяет выяснить, что в сюжетном составе башкирских сказок наблюдается многообразие различных контаминаций сюжетов, близких по тематическому содержанию, например, “Чудесный помощник” и “Чудесный предмет”: ATU 559 + ATU 571; ATU 567 + ATU 518 + ATU 566 или “Чудесный помощник” и “Чудесная сила или знание”: ATU 530 + ATU 653A. Более многочисленны примеры, где контаминированы сюжетные типы разных тематических групп: ATU 302 + ATU 554; ATU 554 + ATU 313; ATU 301 D* + ATU 532; ATU 306 + ATU 566; ATU 313H* + ATU 450; ATU 511 + ATU 403 B; ATU 451 + ATU 533; ATU 331 + ATU 560; ATU 735 + ATU 332.

— Важными составными частями в развитии фабулы сказок оказываются сюжетообразующие мотивы, расположенные в определенной последовательности: выбор, нарушение запрета, наказание, исцеление.

— Основную систему персонажей составляют главный герой, его помощники: мифический конь, домашние животные (корова, кошка, собака), мертвец / череп, белобородый старик, чудесная супруга, змея и др., а также его противник: персонаж мужского рода (дэв, аждаха, иргаил) и женского рода (мэскэй эбей и убырлы карсык).

— Волшебная сказка взаимодействует с другими жанрами (особенно с эпосом, быличками и песнями), заимствуя у них некоторые смысловые и структурные элементы и приспособляя их к собственной жанровой системе. В башкирском фольклоре, как и в фольклоре других народов, имеет место генетическая связь жанров. Особено ярко она проявляется в жанрах эпоса и сказки. Сказочные мотивы присутствуют почти во всех эпических произведениях башкирского народа, но в одних (“Алпамыша”, “Идукай и Мурадым”) их больше, в других (например, животный цикл башкирского эпоса) – меньше. Общими для сказок и эпоса являются: мотив использования крови как средства помощи герою, выбор жениха, превращения героя в различные существа, мотивы “жертва воде” и “поиски воды (живой)”.

В эпосе башкир, как и в сказках, имеют место образы говорящих коней, мотивы “девушки-птицы”, “живой воды”, “испытания сыновей”, “стрельбы из лука сквозь золотое кольцо”, “нахождения души дью-пярия вне души”; волшебные предметы: зеркало, секира, жезл.

Сюжетов, общих для сказки и эпоса, оказалось четыре: 1) сказка “Урал-батыр” и эпос “Урал-батыр”; 2) сказки “Алп-батыр”, “Алпамыша и Барсынхылу”, “Алпамыша батыр” и эпос “Алпамыша”; 3) сказки “Алма батыр и Алмабика”, “Кусяр-хан и Кусмяс-хан” и эпосы “Кузыкурпяс и Маянхылу” и “Куз-Курпяч”; 4) сказки “Дандан-батыр”, “Сайфельмулюк” и эпосы “Сайфельмулюк” и “Бадигульямал и Сайфельмулюк”. Как видно из перечня, в основном (кроме третьего случая) совпадают даже названия сказок и эпических

произведений.

Мотивов, общих для сказки и эпоса, выявлено восемь: “чудесное рождение героя”, “богатырское детство”, “мотивы предбрачных состязаний”, “мотив выпытывания героем тайны путем зажатия курмаса в руке матери”, “мотив крепкого богатырского сна”, “мотив убийства щелчком”, “мотив развилки дорог”, “эпизод встречи героя с пастухами”.

Общность сказок и эпоса башкир отмечена также на уровнях формульном (“Бороться или биться будем?”, “человеческим духом пахнет”, “вырви три волоска из гривы”), персонажей (Акбузат, тулпар, дью-пяри, мяскай, убыр карсык, аждаха) и волшебных предметов (волшебное зеркальце, серебряное зеркальце, волшебная секира).

В составе башкирских волшебных сказок выявлены такие поэтические тексты, как хамаки (речитативы), колыбельная, такмаки (частушки), песни. Если тексты песен, такмаков оказались вставными музыкально-поэтическими строфами, забвение которых не вредит содержанию сказки, то хамаки и колыбельная песня, наоборот, тесно сплетены с текстом и их невозможно вырвать из него, не нарушив единой структуры сказки.

Наблюдается связь башкирских волшебных сказок с быличками. Например, сказка “Галия” отчасти примыкает к сказкам о женитьбе человека на чертовке и путешествии молодоженов к чертям, отмеченным в указателе Л.Г. Барага под номером 307 D*; характерным примером трансформации мифического рассказа в сказку является и сказка “Юха”, отчасти примыкающая к сюжетному типу АТУ 449 (Жена-колдунья), сближается с быличками о колдовстве сказка “Странник” (АТУ 571), с быличками о мертвецах – сказка «Гульсаяк» (АТУ 709).

— Волшебные сказки являются ценным источником изучения материальной и духовной культуры народа, в том числе почти утраченной на современном этапе развития (напр., народного целительства, войлоковаляния, изготовления и бытового употребления национальной одежды, игровой и праздничной, экологической, религиозной культур и т.д.).

— Сравнительное изучение башкирской волшебной сказки с аналогичными сказками народов Евразии показывает поразительную общность сюжетов, мотивов, персонажей, важнейших композиционных средств, причем не только у близкородственных народов, но и у народов, расселенных в достаточно отдаленных друг от друга районах земного шара; в то же время наблюдаются и различия между ними, обусловленные особенностями исторического развития каждой нации и народности. Например, типичны виды занятий героя (в башкирской сказке это пастух, охотник, рыболов), пространство (леса, горы), а понятие богатства более специфично (для башкирской падчерицы это сундук одежды, героя – табун лошадей) и т.п.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения; девяти глав, содержащих по две (шестая, девятая главы), три (первая, третья, пятая, седьмая, восьмая главы), четыре (вторая, четвертая главы) параграфы; заключения и

библиографического списка использованной литературы, включающего 265 исследований и 186 публикаций текстов; приложения с текстами 16 сказок, записанных автором в 2006-2012 гг. Общий объем – 352 страницы машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении обоснована актуальность темы диссертации, сформулированы цели и задачи исследования, определен предмет исследования, охарактеризованы методологические принципы, степень научной новизны и научно-практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе “Башкирское сказковедение: первые публикации, становление, современное состояние” прослеживается история жанра с первых публикаций и исследований башкирских волшебных сказок по настоящее время.

Первый параграф **“Башкирские народные сказки в публикациях и исследованиях русских ученых (вторая половина XIX-первая половина XX вв.)”** посвящен изучению публикаций и исследований на начальном этапе, во второй половине XIX – первой половине XX вв., русскими учеными М. Бикчуриным¹, Р.Г. Игнатьевым², М. Лосем³, Д. Зелениным⁴.

Значительный вклад в процесс накопления фактического материала о прошлом Башкортостана и его осмысления внесли губернские статистические комитеты и различные ученые общества дореволюционного периода: Оренбургский отдел Русского географического общества (открыт в 1868 г.), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (создано в 1878 г.), Оренбургская губернская ученая архивная комиссия (учреждена в 1887 г.), Общество по изучению местного края (возникло в Уфе в 1908 г.) и др.

Во время экспедиций 1893-1894 гг. по заданию Этнографической комиссии Русского географического общества в Верхнеуральском и Орском уездах, собравший огромный материал по башкирскому музыкальному фольклору русский этнограф С.Г. Рыбаков записал и две башкирских сказки “Царевич Сиржатжан”, “Богатырь Галий”.

В собирании башкирских сказок велика заслуга инспектора народных училищ в Пермской и Оренбургской губерниях, действительного члена Географического общества А.Г. Бессонова – неутомимого собирателя

¹ Бикчурин М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в оренбургском крае наречий башкир, кыргызов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей. Казань, 1859. С. 49-53.

² Игнатьев Р.Г. Сказания, сказки, песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 3. Казань, 1875. С. 207-222.

³ Лось М. Башкирские сказки // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 5. С. 173-180. №№ 7-8. С. 262-270.

⁴ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 11. Пг., 1914. С. 441-490.

башкирского фольклора. Свободно владевший башкирским языком А.Г. Бессонов в конце XIX – начале XX в. зафиксировал на языке оригинала около ста сказок, перевел их на русский язык и представил в 1909 г. в Географическое общество (к сожалению, записи не сохранились). По сведениям проф. Н.К. Дмитриева, “Оригинал башкирской записи сказок А.Г. Бессонова был знаком покойным академиком С.Ф. Ольденбургу и В.В. Радлову, у одного из учеников которого и находился на отзыве. Этот весьма положительный отзыв о фольклорном собрании Бессонова был напечатан в “Отчете Географического общества” за 1909 год и остался единственным в научной литературе свидетельством о большой фольклористической работе А.Г. Бессонова. Имеются и другие “свидетели”: это канцелярские документы, содержащие переписку общества и Бессонова по поводу печатания его трудов. Но минорный тон этой переписки, которая в конечном счете так и не привела ни к чему, характеризует только одну сторону вопроса; в ней отнюдь не содержится указаний на то, как и где можно найти башкирскую часть собрания Бессонова. Потеряна ли она в предреволюционные годы, когда собиратель был еще жив, или в начале революции (т.е. одновременно с кончиной самого Бессонова) – остается неясным”¹

По утверждению Н.К. Дмитриева, А.Г. Бессонов не имел предшественников в деле систематического собирания башкирских народных сказок и ему не у кого было обучаться методике этого дела; однако он очень бережно относился к текстам, не упускал из вида документацию записи, отмечал – в пределах территориального распространения какого диалекта ведется запись, в редких случаях указывал деревню. По наблюдениям Н.К. Дмитриева, А.Г. Бессонов к фольклору шел от языка и фольклорные материалы классифицировал в зависимости от языковой дифференциации. Поэтому его сборник состоял из следующих разделов: 1) сказки башкир Орского уезда и Тамьян-Тонгаурской волости Верхнеуральского уезда, сохранивших свой язык в большей или меньшей чистоте; 2) сказки башкир, живущих в городе Орске и вблизи этого города, начинающих уже “отатариваться”. Н.К. Дмитриев также сообщал, что А.Г. Бессонов, помимо перевода текстов на русский язык, пытался их комментировать под флагом этнографии, лингвистики и, отчасти, сравнительной фольклористики. Далее исследователь обнаружил попытку Бессонова классифицировать материал, потому что все сказки сборника подобраны по циклам, т.е. по сходству сюжетов, и сказки, близкие по содержанию, следуют одна за другой. Важно и то, что А.Г. Бессонов ценил варианты, как дополнительные документы по истории сказочных сюжетов, и тщательно включал их в свое собрание. Как отмечал Н.К. Дмитриев, Бессонов предвосхитил ту правильную мысль, которая отчетливо была сформулирована уже

¹ Дмитриев Н.К. Введение // Башкирские народные сказки / Запись и перевод А.Г. Бессонова. Редакция, введение и примечания проф. Н.К. Дмитриева. Уфа: Башгосиздат, 1941. С. 3-4.

фольклористами нашей эпохи: утонуть в море вариантов нельзя, а можно только не знать, как с ними обращаться.

Научная общественность того времени высоко оценила сборник сказок, собранных А.Г. Бессоновым, о чем свидетельствует награждение его в 1909 году золотой медалью Русского географического общества.

К сожалению, сборник сказок А.Г. Бессонова увидел свет лишь в 1941 г. благодаря Н.К. Дмитриеву¹, который подготовил его к изданию. Предисловие к книге, написанное им, стало первым серьезным исследованием, посвященным башкирским народным сказкам. Н.К. Дмитриев сгруппировал башкирские сказки по циклам: богатырские сказки, волшебные, бытовые, сказки о животных, нравоучительные и сказки-легенды и охарактеризовал каждый цикл. Н.К. Дмитриев отмечал, что в сборнике А.Г. Бессонова волшебные сказки представлены особенно полно, что основной пружиной волшебных сказок является выполнение “эпических задач”, связанных с преодолением “эпических препятствий”. Эту трудную задачу герой сказки выполняет сам или “чудесные помощники”. Прав он и в том, что “механизм волшебной сказки является общечеловеческим достоянием”, потому что сюжеты волшебных сказок носят международный характер. Обращая внимание на основных персонажей, Н.К. Дмитриев обнаружил, что они также наделены общеизвестными чертами. Более подробно проанализировал он существа, противоположные миру людей: аждаха², дэва³, мясекай⁴ и др. Из волшебных персонажей он выделял громадную птицу Хымай (Сямрюк, Семере), которая помогает герою за то, что он спасает птенцов от чудовища. Остановившись на персонаже юха⁵, ученый подчеркивал, что юха тесно связана со специфически башкирскими народными поверьями, имеет национальный колорит, что сказка с образом юхи – “одна из самых оригинальных в цикле волшебных сказок”.

Во втором параграфе “**Становление башкирского сказковедения (вторая половина XX в.)**” отмечается, что собственно башкирская национальная фольклористика возникла при Обществе по изучению быта, культуры и истории Башкирии (1922 г.), которое в 1932 году было преобразовано в Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры, а в 1951 году был создан Башкирский филиал Академии наук СССР и институт вошел в его состав под названием Института истории, языка и литературы. С первых дней своего существования Общество развернуло большую работу по сбору фольклора не

¹ Башкирские народные сказки / Редакция, введение и примечания проф. Н.К. Дмитриева. Уфа: Башгосиздат. 1941.

² Аждаха - чудовищный змей-дракон. Согласно мифическим представлениям башкир и других тюркских народов змей, достигший двухсот- (или 300, 500) летнего возраста, превращается в аждаху, нередко многоголового, который обитает в водоемах.

³ Дэв (дейеу) – часто многоголовое демоническое существо, противник героя.

⁴ Мэскэй, мяскэй, мясекай (мэскэй) – традиционный персонаж башкирских сказок; соответствует ведьме-людоедке, бабе-яге, упырю-кровопийце в русских сказках.

⁵ Юха – согласно мифическим представлениям башкир и других тюркских народов аждаха, достигший тысячелетнего возраста, превращается в юху, которая, приняв облик ласковой женщины, вредит людям.

только коренного башкирского населения, но и других народов, в частности русских, чувашей, марийцев, проживающих на территории Башкортостана.

Следующим после работы Н.К. Дмитриева исследованием по сказкам стала вступительная статья А.И. Харисова¹ к тому сказок трехтомного собрания “Башкирское народное творчество” на башкирском языке в 1959 году, в которой особенно ценна история изучения жанра. После указанного издания до 1970-х годов исследования по башкирским сказкам отсутствуют. Лишь в 1970-е годы с серьезными публикациями по башкирским сказкам, особенно волшебным и богатырским, начинает выступать известный башкирский ученый М.Х. Мингажетдинов², который и создает сказковедческое направление в башкирской фольклористике. В указанный период публикуют статьи по сказкам также Л.Г. Бараг³, Н.В. Бикбулатов⁴, М.В. Зайнуллин⁵, Н.Т. Зарипов⁶, Л.П. Атанова⁷.

В обстоятельных вступительных статьях М.Х. Мингажетдинова, А.И. Харисова, Н.Т. Зарипова и А.М. Сулейманова к книгам сказок серии “Башкирское народное творчество” освещались особенности жанра, идейно-тематическое содержание и вопросы поэтики, стиля. Очень ценным в томах сказок свода явились комментарии, составленные на русском языке для расширения возможностей сопоставительного изучения жанра сказок фольклористами других регионов. Как заметил об этом башкирский фольклорист Н.Т. Зарипов, “здесь кроме обязательных сведений об источниках текстов, дан типологический анализ сюжетов на фоне сказочного творчества других народов, прежде всего, ближайшего тюркоязычного и славяноязычного окружения, и сведения о башкирских и других национальных вариантах данного сюжетного

¹ Башкирские народные сказки // Башкирское народное творчество в 3-х томах. Том 3 / Сост.-ред., автор вступит. ст. и коммент. Харисов А.И. Уфа, 1959. С. 3-15.

² Мингажетдинов М.Х. Систематизация сюжетов башкирских сказок по международным каталогам // Проблемы фольклористики, истории лит-ры и методики ее преподавания: Материалы научной конференции литературоведов Поволжья. Куйбышев, 1972. С. 25-27; Он же. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969. С. 57-74; Он же. О путях проникновения русских сказочных тем, мотивов и героев в башкирские народные сказки // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Уфа, 1970. С. 176-181; Он же. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4. С. 301-308; Он же. Общность мотивов в башкирских и венгерских сказках // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 101-108; Он же. Сказки Мавзифы Магафуровны Мингажетдиновой // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974. Вып. 1. С. 161-172; Он же. Волшебные сказки // Литература. Фольклор. Литературное наследие. Уфа, 1976. С. 76-90 (на башк. яз.).

³ Бараг Л.Г. Об отношении башкирских волшебных сказок к русским // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979. С. 123-140.

⁴ Бикбулатов Н.В. Отражение минората и майората в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 52-62.

⁵ Зайнуллин М.В. Употребление временных и модальных форм глагола в языке башкирских сказок // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 92-98, Он же. О выражении экспрессивности в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 45-49.

⁶ Зарипов Н.Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 3-19.

⁷ Атанова Л.П. О музыкальности башкирских сказок. //Тезисы докладов и сообщений Четвертых Уральских «Бирюковских чтений». Челябинск, 1977. С. 57-59.

типа, о его фольклорной и литературной истории и географии распространения”¹. Тома сказок свода были подготовлены при участии известного ученого Л.Г. Барага, профессора Башкирского государственного университета.

Исследование башкирской волшебной сказки с начала 1990-х годов ведет диссертант. В ее монографии “Поэтика башкирских народных волшебных сказок: Формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени” (М., 2000) впервые в башкирской фольклористике охарактеризованы условия бытования башкирской народной волшебной сказки и проблемы поэтики (формулы в сравнительном изучении, сохраняемость сказки во времени), проведен кропотливый текстологический анализ по методике полного синоптического сопоставления текстов, записанных от пар сказочников (по методике чл.-кор. В.М. Гацака). В результате выявлены как общие черты, так и своеобразие формульных изобразительных средств башкирских сказок в кругу сказок других тюркоязычных народов, а также восточнославянских сказок (прежде всего русских), восточно-финно-угорских и более далеких регионов как Египет, Индия, Бенгалия, Афганистан; освещен вопрос о сохраняемости сказки во времени путем систематического текстологического сличения: а) разновременных записей от одних и тех же исполнителей; б) записей от сказителя -“учителя” и сказителя -“ученика” (передача от одного поколения к другому).

Вторая монография диссертанта – “Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология” (2014) – посвящена историографии вопроса башкирской народной сказки в контексте современного состояния жанра, исследованию типологии сюжетов, сюжетообразующих мотивов и системы образов, а также историко-типологическому анализу башкирских волшебных сказок со сказками народов мира.

В третьем параграфе “**Современное состояние башкирской народной сказки**” дается характеристика бытования волшебных сказок, записанных в 2006-2012 гг. На рубеже XX-XXI вв. наблюдается затухание сказочной традиции, причем в разных районах республики этот процесс идет по-разному: записать от информантов полные тексты сказок – большая удача. Оказалось, что состояние сказочной традиции в разных районах Башкортостана неодинаково. Как показывают материалы экспедиций в северные районы Республики Башкортостан (2004-2008 гг.), сказочная традиция угасает: исключение – бытовые и сказки о животных. На основе анализа текстов сказок в диссертации прослеживается разрушение сказочной традиции в современных условиях. Сказочник “пропускает” не только отдельные эпизоды, но нарушает и логическую последовательность сказки.

В то же время на юге и юго-востоке Республики Башкортостан, у челябинских, оренбургских башкир были записаны относительно полные тексты

¹ Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки: Эстетика жанра. Уфа: Гилем, 2008. С. 16.

сказок о мачехе и падчерице. Были обнаружены интересные детали, всплывающие в генетической памяти информантов: например, стихотворные (песенные) вставки в сюжете о мачехе и падчерице, не отмеченные в ранее опубликованных текстах:

Нук, тукмак, бэр, тукмак,
Кыззың башын яр, тукмак¹.
Апайым килә һунарзан,
Ак капканы асығыз!
Ак кейеззе йәйегез!
Кара капканы асығыз!
Кара кейез йәйегез!²

Стукни, дубинка, ударь, дубинка,
Разбей голову девочке, дубинка;
Сестра с охоты возвращается,
Белые ворота откройте!
Белый войлок постелите!
Черные ворота откройте!
Черный войлок постелите!

Прекращение бытования сказки вызвано рядом причин: у детей нет времени и потребности слушать вечерами сказки, их место занимают книги, телевизор, компьютер; уходят из жизни талантливые сказочники; традиция исполнения сказок не передается из-за отсутствия аудитории. По утверждению информантов, сказки они рассказывают очень редко, только “когда внуки просят”. Несмотря на все это, в начале XXI в. фольклористами ИИЯЛ УНЦ РАН записано более трех десятков сказок, среди которых есть и достаточно полноценные, но встречаются и сильно деформированные тексты сказок разных жанровых разновидностей.

Основываясь на теории П.Г. Богатырева, диссертант исследует соотношение сказочной традиции и импровизации в современных записях. На примере текстов башкирских сказок “Клубок” на сюжетный тип АТУ 485 А (Мачеха и падчерица) и «Музыкант» на контаминированные сюжетные типы АТУ 425 А (Амур и Психея) и АТУ 440 (Царевич-рак), записанных в 2010 и 2012 гг., исследуется, как использует исполнитель приемы импровизации. Выявлены три типа импровизации: 1) неподготовленная, когда “при каждом исполнении традиционной, известной слушателям, сказки <...> исполнителю необходимо вносить импровизацию”; 2) принудительная, когда исполнитель забывает и не может вспомнить отдельные эпизоды, моменты сказки; 3) преднамеренная – с целью заинтересовать слушателя, преподнеся сказку по-новому. Включение в исполнение сказок различных типов импровизации подтверждает справедливость утверждения П.Г. Богатырева: “Если бы во все виды народного искусства не вносилось импровизации, традиция стала бы штампом”³.

Во второй главе “Сюжетный состав башкирской волшебной сказки” проводится типологизация башкирских сказок в соотношении с указателями

¹ Экспедиционные материалы – 2009: Бурзянский район / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Хакимьянова А.М.. Уфа: ИИЯЛ, 2009. С. 12.

² Фольклор курганских башкир (материалы и исследования) / Сост. Хусаинова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Гайсина Ф.Ф. Уфа, 2013. С. 37-38.

³ Богатырев П.Г. Традиция и импровизация в народном творчестве // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 398.

международных сюжетов, определяются локальные и контаминированные.

В первом параграфе **“Типология сюжетов башкирских волшебных сказок”** диссертантом систематизированы по сюжетным типам в соответствии с международным указателем Аарне-Томпсона-Утера ¹ тексты сказок, опубликованные в многотомном своде **“Башкирское народное творчество”**².

В разделе о волшебных сказках (**“тылсымлы экиэттәр”**) большую группу представляют тексты, которые при всей близости к международным сюжетам отражают национальную специфику башкирской сказочной традиции. В волшебных сказках происходит органичное соединение международного сюжета со стилистикой башкирских сказок. В них отражены в трансформированном виде различные мотивы: древних обрядов инициации, поиска жены для создания семьи, сватовства. Проведенное исследование репертуара башкирских волшебных сказок, опубликованных в двух книгах сказок научного свода **“Башкирское народное творчество”**, позволяет сделать вывод, что больше всего сказок на сюжетный тип **“Чудесное бегство”** (АТУ 313 А, В, С) – двенадцать (пять текстов неконтаминированных и семь – в контаминации); **“Чудесное бегство с помощью бросания чудесных предметов”** (АТУ 313 Н*) – девять (шесть текстов неконтаминированных и три – в контаминации); затем по три сказки на сюжетные типы **“Волшебное кольцо”** (АТУ 560): три текста неконтаминированных и один – в контаминации; по два неконтаминированных текста у сюжетных типов **“Лиса сватает бедному парню царевну”** (АТУ 545 В); **“Мачеха и падчерица”** (АТУ 480); **“Незнайка”** (АТУ 532) и восемь – в контаминации; **“Чудесная утка”** (АТУ 567): один неконтаминированный текст и два – в контаминации; **“Сивко-Бурко”** (АТУ 530): **“отчасти напоминающий”** один текст и пять – в контаминации; четыре текста на сюжетный тип **“Царская собака”** (АТУ 449); **“Красавица-жена”** (АТУ 465): четыре текста неконтаминированных и два – в контаминации; по два неконтаминированных текста у сюжетных типов **“Чудесные дары”** (АТУ 563); **“Хитрая наука”** (АТУ 325); **“Девушка в гостях у крестной людоедки”** (АТУ 333 В); **“Молодильные яблоки”** (АТУ 551); **“Благодарный мертвец”** (АТУ 507 С).

Помимо перечисленных выше распространенных сюжетных типов, в репертуаре башкирской волшебной сказки зафиксировано по одному неконтаминированному тексту: **“Медведь и три сестры”** (АТУ 311); **“Подмененная невеста”** (АТУ 403 В); **“Мать-рысь”** (АТУ 409);

¹ В 2004 г. вышла новая, значительно дополненная и расширенная, переработка указателя АаTh, осуществленная Гансом-Йоргом Утером, профессором университета Дуйсбург-Эссен. На смену аббревиатуре АаTh постепенно приходит АаThUth (или АТУ). (Козьмин 2009, С. 19).

² Башкирское народное творчество. Сказки. Книга первая / Сост. М.Х. Мингажетдинов и А.И. Харисов. Автор вступит. ст. М.Х. Мингажетдинов. Авторы комментариев Л.Г. Бараг и М.Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н.Т. Зарипов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 376 с. (на башк. яз.), Башкирское народное творчество. Сказки. Книга вторая / Сост. М.Х. Мингажетдинов и А.И. Харисов. Автор вступит. ст. М.Х. Мингажетдинов. Авторы коммент. Л.Г. Бараг и М.Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н.Т. Зарипов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – 370 с. (на башк. яз.).

“Царевна-лягушка” (ATU 402); “Чудесная корова” (ATU 511); “Мертвая царевна” (ATU 709); “Правда и Кривда” (ATU 613); “Царевич и серый волк” (ATU 550); “Молодильные яблоки” (ATU 551); “Чудесная птичка исполняет желания жены бедного старика” (ATU 555); “Три жениха – женихи-соперники, добывшие для царевны чудесные подарки” (ATU 653A); “Окаменелое царство” (ATU 410*); “Неверная жена и генерал” (ATU 465A); “Чудесное прилипание” (ATU 571 B); “Обманутые черти” (ATU 518); “Деревянный орел” (ATU 575); “Купеческий сын” (ATU 654 B*); “Язык животных” (ATU 670); “Животные-зятья” (ATU 552) и “Благодарные животные” (ATU 554); “Неверная жена” (ATU 318); “Верный слуга” (ATU 516); “Медный лоб” (ATU 502); “Неверная жена, превращенная в животное” (ATU 566); “Нерассказанный сон” (ATU 725); “Язык птиц” (ATU 671); “Мальчик с пальчик” (ATU 700); “Любовь во сне к чудесной девушке-красавице” (ATU 725*).

Представлены также сюжетные типы, встречающиеся реже – только по одному разу: “Дух в бутылке” (ATU 331); “Аленький цветочек” (ATU 425 C); “Брат и сестрица” (ATU 450); “Братья-птицы” (ATU 451); “Путешествие в ад” (ATU 466**); “Герой в стране солнца женится на царь-девице” (ATU 471*); “Золушка” (ATU 510A); “Перемена пола” (ATU 514); “Несмеяна-царевна” (ATU 559); “Мясо змеи” (ATU 673); “Рождение от чудесного яблока” (ATU 675*); “Безручка” (ATU 706); “Две доли” (ATU 735).

Таким образом, башкирских волшебных сказок в соотношении с указателем международных сюжетов оказалось довольно много. Из них больше контаминированных сюжетов. Сюжеты представлены по убывающей в количественном отношении.

Во втором параграфе **“Сказки с параллелями в указателе Эберхарда–Боратава”** рассматривается ряд сюжетов и мотивов в сказочной традиции башкирского народа, параллели к которым обнаруживаются особенно часто в фольклоре тюркоязычных кавказских и ближневосточных народов. Они систематизированы в основном в указателе типов турецких сказок Эберхарда–Боратава (Ев.–Во.). Их оказалось всего две – “Булансы Мэргэн” и “Девушка, джигит, дэв” на сюжетный тип Ев.–Во. 215-217 (ATU 302).

В третьем параграфе **“Локальные сюжеты”** представлено 8 волшебных сказок, зафиксированных только в фольклоре башкирского народа, и одна сказка, близкая к сюжетному типу АТ 480=АА 480 В и до сих пор бытующая у южных башкир во множестве вариантов под названиями “Сүлмәк-анай” (Горшок-мать), “Игелекле сүлмәк” (Благодарный горшок), “Тылсымлы сүлмәк” (Чудесный горшок), “Ярык сүлмәк” (Горшок с трещиной). В них отразилось своеобразие жизни создавшего их народа, его этические представления, быт и нравы.

Четвертый параграф **“Сюжетные контаминации”** показал, что в репертуаре волшебных сказок их больше, чем сюжетов в “чистом” виде, т.е. неконтаминированных. Следующие сюжетные типы – АТU 310, 318, 328, 331, 332, 425 С, 451, 470, 510 А, 514, 533, 552, 559, 566, 671, 706, 706 Е – встречаются

очень редко и только в контаминации.

В основном, в текстах волшебных сказок башкир контаминируются два сюжетных типа, реже наблюдается контаминация трех и более сюжетных типов, характерная для сказок многих народов.

Ряд сказочных сюжетов в репертуаре башкирской сказки соединяется на тематической основе. Например, нами отмечена контаминация следующих сюжетных типов: ATU 306 + ATU 318 (Чудесный противник); ATU 402 + ATU 400; ATU 403 B + ATU 409; ATU 440 + ATU 400; ATU 425 A + ATU 440 + ATU 400 (Чудесный супруг) и др.

Выявлены также тексты, в которых органично соединены близкие тематические группы, в частности, “Чудесный помощник” и “Чудесный предмет” или “Чудесный помощник” и “Чудесная сила или знание”.

Более многочисленны примеры, где контаминированы сюжетные типы разных тематических групп.

Однако во всех случаях в башкирской волшебной сказке соединяются в художественное целое сюжеты, близкие по тематике, дополняющие друг друга, в совокупности составляющие законченное произведение.

Анализ сюжетных типов башкирской волшебной сказки позволил сделать вывод о том, что сюжетный репертуар ее богат и своеобразен. В нем представлены произведения о борьбе героя как с мифологическими, так и социальными антагонистами. Значительное место занимают сказки на тему семейных отношений (о верности и преданности, находчивости и терпеливости); в них главными персонажами выступают мачеха и падчерица, свекровь и невестка, мачеха и пасынок, братья и сестры и т.п.; в этом плане башкирская волшебная сказка перекликается с бытовой сказкой.

В репертуаре башкирской волшебной сказки обнаружено большое количество текстов, относящихся к разделам “Чудесный противник” и “Чудесный помощник”. В то же время в фольклоре башкир, как и других тюркоязычных народов, исповедующих ислам, редки сказки о приключениях с мертвецами, русалками, превращениями человека в животных, птиц, растения и обратно, о взаимоотношениях с чертями, со служителями религиозного культа (мулла, мэзин). Совсем отсутствуют сказки о приключениях героя «на том свете», в раю или аду.

Специфика рассматриваемых сюжетных типов башкирской волшебной сказки состоит в том, что они часто получают нетрадиционное развитие за счет контаминации “международных” сюжетов с самобытными сюжетами и мотивами, характерными для сказок башкир и других тюркоязычных народов. Например, если в восточнославянских сказках о Кощее и благодарных животных герой спасает свою нареченную, похищенную антагонистом, то в башкирской сказке он вызволяет сестру, похищенную дэвом (см. “Булансы-Мэргэн”); или в башкирских сказках на сюжет ATU 550 золотая птица оказывается чудесной девушкой-красавицей, тогда как в славянских и западноевропейских сказках

такой мотив не отмечен и т.д. Такие особенности подчеркнуты при характеристике сюжетных типов башкирской народной волшебной сказки.

В третьей главе “Система персонажей башкирской волшебной сказки” в трех параграфах подробно рассматриваются персонажи башкирской волшебной сказки (главный герой, его антагонисты и помощники). Показательно, что антагонистами и помощниками могут быть как мифические существа (и мифологические предметы), так и люди, животные, звери, птицы, насекомые.

В первом параграфе “Главный герой” говорится, что главный герой башкирской волшебной сказки – это “бер егет” (один парень) “бер ул” (один сын) “карттың улы” (сын старика) “бер ярлы ғына егет” (один бедный парень), “бер һалдат” (один солдат), “хезмәтсе малай” (мальчик слуга), “батша улы” (царевич). Довольно много сказок, в которых у главного героя есть имя. Следует обратить внимание и на то, что имена сказочных героев не повторяются, за исключением таких имен, как Сайфелмулюк (это имя известно башкирам из восточной лубочной книги: в 1807 г. в Казани увидел свет сюжет под названием “Киссаи Сайфелмулюк), Абдулла (арабское имя, означает “человек бога”, проникло через ислам), отмеченных по два раза. Остальные имена – обычные, распространенные среди башкир, но есть имена, характеризующие героя – как, например, Мерген (меткий), Акылбай (умный) и др. Интересная картина вырисовывается относительно персонажа Таз (Плешивый), который также считается широко распространенным в сказках тюркских народов. Среди ста с лишним башкирских волшебных сказок выявлено девять сказок, в которых главный герой Таз, причем иногда он обладает еще и уточняющим собственным именем, которое является разным в различных вариантах.

Значительную роль в развитии сюжета башкирской волшебной сказки играют женские персонажи “үгәй кыз”(падчерица), “кесе катын” (младшая жена), “дейеүзең кесе кызы” (младшая дочь дэва – будущая супруга героя). В них воплощены народные представления о женщине-невесте, жене.

Проведенный анализ сказочных текстов позволил сделать вывод, что герой собственно-волшебных сказок пассивен (или относительно пассивен) в достижении цели и полностью зависит от своих помощников, тогда как герой волшебного-героического сказок действует сам и добивается цели, хотя тоже прибегает к помощи волшебных помощников или чудесных предметов.

Идеальную сущность образа героя наиболее полно раскрывает выполнение сыном / сыновьями завещания отца, например, провести ночь на его могиле. В этом сюжете отразился древний обряд, связанный с культом предков.

Этим же задачам отвечает характеристика героя волшебной сказки: “бәйгелә мәргән, яуза батыр, ололарға инсафлы, йәштәргә йор һүзле” (“на состязаниях – меткий стрелок, на войне – герой, к старшим – уважителен, с младшими приветлив”).

Наблюдение В.Я. Проппа, что в герое волшебных сказок есть самое важное

— “душевная красота и моральная сила”¹, подтверждается башкирской волшебной сказкой.

В башкирских волшебных сказках представлены мифологические персонажи двух типов. Это антагонисты героя (дейеү, аждаһа, иргәйел², ғифрит³, мәскәй, йылан⁴, юха и др.) и помощники героя — Акбузат (волшебный конь), Сәмриғош (гигантская мифическая птица), чудесная супруга героя.

Второй параграф “Мифологические антагонисты героя” посвящен анализу наиболее часто встречающихся в башкирской волшебной сказке мифологических существ типа “дейеү” (див), “аждаһа” (аждаха), “иргәйел” (иргаиль) – антагонистов героя.

Функция антагониста заключается, как известно, нанести вред герою. Как правило, антагонист похищает невесту или жену героя, ворует яблоки из сада или урожай с поля, проглатывает героя, пьет кровь сестры или жены героя.

Див (дейеү/дию) – наиболее распространенный персонаж башкирских и татарских сказок. В башкирском фольклоре этот персонаж встречается и в эпосе, и в сказках; в обиходе его имя используется для характеристики вспыльчивых (дейеү кеүек кызыу – “горячий как див”), а также здоровых и сильных людей (дейеү кеүек здарауай – “здоровый как див”).

В башкирских волшебных сказках редко характеризуется внешний облик дива. В сказке “Сайфельмулюк” (АТУ 313), например, царь дивов это: “эзэмгә лә, хайуанға ла окшамаған һыңар мөгөзлө бер йән эйәһе килеп сыккан. Өстөндә йыртык кара тун, ти”⁵ (“однорогое существо, не похожее ни на человека, ни на животное. На нем была старая шуба черного цвета”). В народном представлении дэв – огромное, волосатое, безобразное существо. Сказки рисуют дива силачом со многими головами (семь, девять, двенадцать), появление которого сопровождается ураган и черные тучи. Душа дива всегда находится вне его тела, чаще всего – в яйце, которое хранится в сундуке или гнезде на высоком дереве, растущем на необитаемом острове.

В башкирских сказках, иногда даже в одной сказке, один и тот же персонаж может называться по-разному: аждаха, див или иргаил. Несмотря на различие в названиях, мифологические персонажи по функциям сильно не отличаются. Многоголовый йылан или аждаха запоминается в основном в качестве похитителя женщин, реже – людоеда.

В народном сознании аждаха представляется чудовищем, живущим в водоемах, на болоте и требующим себе в жертву молодых девушек и женщин. Внешне оно напоминает змею: “әйзә ике тапкыр уратып ята”⁶ (“лежит, окружив дом своим телом двойным кругом”). Среди мифологических персонажей он

¹ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избр. труды. М., 1976. С. 90.

² Иргаил – карлик.

³ Ғифрит – чудовище.

⁴ Йылан – змея.

⁵ Башкирское народное творчество. Сказки. Первая книга. Уфа, 1976 (1). С. 163.

⁶ Башкирское народное творчество. Сказки. Первая книга. Уфа, 1976 (1). С. 109.

самый многофункциональный: и охотник до женщин, и пожиратель птиц – детей Самригуш, и людей, но может быть и охранником пленных. В народе бытует поверье: “Если змея долго живет, то превращается в аждаху, становится злой, голова у нее бывает больше головы барана”. Аждаха, как и див, может быть многоголовым, он способен летать, требовать себе жертву, принимать разный облик, его появление сопровождается сильным ветер, ураган.

Главное отличие аждахи от дива – его способность превращаться в юху – согласно мифологическим представлениям башкир, змей, достигший двухсот- (или 300-, 500-) летнего возраста, превращается в аждаху, нередко многоголового, обитающего в водоемах. Если же аждаха доживет до ста лет, то может превратиться в юху, принимающую разный облик. Юха чаще всего оборачивается красивой женщиной и женит на себе егета, а потом “сосет кровь из его пяток” или “из сундука вытаскивает руку покойника, гладит им лицо мужа и усыпляет его... сама приходит к могиле, чтобы насытиться мясом покойника”. Юха – редкий, но оригинальный в цикле волшебных сказок башкир мифологический персонаж.

Среди антагонистов героя не последнюю роль играют женские мифологические персонажи: мэскэй эбей (соответствует ведьме-людоедке, бабе-яге, упырю-кровопийце в русских сказках) и убырлы карсык /убыр / убыр эбей (букв. старуха-обжора, старуха-людоедка), которые живут уединенно, вдали от людей. Внешний облик этих персонажей, как правило, не описывается; упоминаются лишь его отдельные детали: у убырлы карсык “волосы лохматые”, “верхняя губа до потолка, нижняя губа до пола”, “Нижние зубы редкие, верхние зубы до подбородка”. Функция мэскэй эбей – прежде всего высасывать кровь у живых существ, а у убыр эбей – проглатывать их. Они обе пытаются убить героя / героиню. Среди башкирских народных волшебных сказок встречаются такие, в которых свекровь оказывается убырлы карсык и преследует свою невестку или сестра оказывается убыр и набрасывается на брата, и тот еле уносит ноги. Как и в случае с дивами и аждахой, в некоторых сказках функции мэскэй эбей и убырлы карсык идентичны. Например, образы мэскэй эбей из сказки “Семь девушек” (ATU 313 Н) и убырлы карсык из сказки “Кильтай-Мэргэн” (ATU 313 Н) характеризуются сходно: она одновременно выступает и как хозяйка огня, за которым приходит героиня, и как существо, высасывающее ее кровь / сердце. В сказках на сюжет ATU 327 “Шагали” мэскэй эбей, а в сказке “Золотая игральная кость” убырлы карсык, как и див (аждаха), хватают героя за бороду, когда тот приводит своего коня на водопой.

В башкирской народной волшебной сказке антагонистов героя, несмотря на различные названия, объединяет безобразный облик и негативные поступки.

В третьем параграфе “Мифологический помощник” рассмотрены мифологические персонажи, выполняющие функцию помощника героя – крылатый конь, кошка и собака – домашние животные и лиса, волк, змея – звери, связанные с тотемистическими представлениями башкир; чудесная супруга,

действующие в сюжете сказки от начала до конца, и птица Самригуш, хотя и выполняющая эпизодическую помощь, но очень популярный и любимый народом персонаж.

Особое внимание уделено образу коня, роль которого в башкирских волшебных сказках тождественна с его ролью в сказках многих других народов, как тюркских, так и восточнославянских и т.д. В башкирских волшебных сказках подробно характеризуется внешний вид коня, способ обретения его героем (получает за службу у бая, покупает, выбирает по подсказке отца, набрасывая лассо, получает в дар от отца, появляется на свет с героем в один день), помощь коня герою (подсказывает как действовать, предупреждает об опасности, доставляет в нужное место, когда братья убивают хозяина, конь идет к тому, кто может оживить его и т.д.), способы вызова коня (свистом, подпаливанием волоса и т.д.).

Каждый помощник оказывает помощь по-своему: домашние животные возвращают герою волшебный предмет, змея исцеляет, чудесная супруга помогает герою подсказками – где и как добыть предметы, требуемые царем.

Четвертая глава “Сюжетообразующие мотивы башкирской волшебной сказки” посвящена выявлению и анализу основных сюжетообразующих мотивов. Мотив принадлежит к узловым категориям художественной организации произведения (текста, сюжета, любой другой завершенной реальности) фольклора и – шире – фольклора как феномена культуры вообще.

Мы выявили и рассмотрели пять сюжетообразующих мотивов башкирской волшебной сказки: мифологические мотивы, широко распространенные в волшебной сказке, затем идут мотив выбора, мотив нарушения запрета, мотив наказания, мотив исцеления, следующие друг за другом в логической последовательности в развитии сюжета.

В первом параграфе “Мотивы, связанные с обычаями и обрядами” выделяются отраженные в сказочных сюжетах тотемистические представления – вера в кровное родство с тем или иным животным, птицей (например, герой сказки “Бузансы-батыр” (ATU 513 A) родился от дикой кобылы; отец батыра сказки “Аюголак” (ATU 650 A) – медведь. Древние башкиры верили в то, что человек при желании может превращаться в животное и наоборот, что получило отражение в сказках “Змей-богатырь” (ATU 440), “Бык” (ATU 425A), “Лягушачья шуба” (ATU 402), “Кукушка” (ATU 403 B), “Черная собака” (ATU 425 A) и др.

Тотемистические представления башкир, связанные с птицами, обнаруживаются в основном в образах вороны (как у многих народов, она приносит живую и мертвую воду по требованию героя для исцеления его родителей, коня); лебедя, кукушки и других птиц, способных превращаться в женщину; у некоторых тюркских народов (хакасов, чувашей, казахов и др.) существует поверье, что названные птицы произошли от человека; имеют место архаические мотивы человеческих жертвоприношений (преимущественно в

сказках, где хозяин воды (аждаха, серый ворон и др.) требует в жертву дитя пленника; встречаются этиологические мотивы (например, в сказке “Зайнулла и Красата” (ATU 437) на месте, где капали слезы Красоты, образовалось соленое озеро с горьковатой водой (там расположен современный город Магнитогорск). В сказке “Кара көсөк” (Черный щенок) на сюжетный тип ATU 707 “катындың аркаһы тейгән ерзә арка тауы, сәсе тейгән ерзә тумар, күзе тейгән ерзә күл барлыкка килгән”¹ (спина коснулась земли – появился хребет гор, где волосы – волосистые кочки, а где глаза – озера образовались). Подобные примеры отмечены в сказках на сюжеты “Меңйәшәр” (“Тысячелетний”)*, “Коварная невестка” (ATU 706). Это уникальное явление: в составе сказки имеют место топонимические мифы о происхождении реальных объектов природы как горы, озера и леса.

Встречаются тексты и другого характера с этиологическими мотивами (например, в сказке “Биранхылу – дочь бире” (ATU 313 В) герой должен привезти волку девушку, на которой потом женится сам. Так происходит род бире, т.е. от брачной связи человека и нечистой силы-бире появился новый род.

Во втором параграфе рассматривается “Мотив выбора” – очень подвижный в тексте сказки – он может находиться в ее начале, середине или в конце. Разнообразные мотивы выбора иногда встречаются в одной сказке по несколько раз, и могут быть и явными, и скрытыми. Уже в самом начале сказки перед героем стоит выбор: остаться дома или уйти из него. Обычно герой уходит из дома с разной целью: жениться, за лекарством для матери/отца, в поисках счастья и пр.; или, встретив на своем пути кого-то, герой выбирает, как с ним поступить. Так, встретив беркута, рыбу, герой не убивает их, прислушавшись к их просьбам, и они потом помогают ему выполнить трудные задачи, став его помощниками.

В волшебной сказке выбор героя всегда оправдан и способствует развитию сюжета. Перечисленные выше – это примеры скрытого мотива выбора героя, и встречаются они в самом начале сказки, в завязке и способствуют дальнейшему развитию сюжета. Самое интересное заключается в том, что герой волшебной сказки от начала до конца сюжета оказывается перед выбором: уход из дома – выбор судьбы, выбор коня или спутника, выбор дороги, выбор одного из поставленных дэвом условий, выбор ночлега (чаще встречается в богатырских сказках), выбор невесты/жениха, иногда даже – выбор наказания, выбор подарка. В волшебной сказке реже встречаются примеры мотива открытого выбора. Так, в сказке “Сафар” (ATU 465А) старик перед смертью зовет трех сыновей и спрашивает что нужно каждому из них: богатство или мудрость? Первые два сына выбирают богатство, а младший сын – мудрость, он и оказывается счастливее братьев.

¹ Башкирское народное творчество. Сказки. Первая книга. Уфа, 1976 (1). С. 320.

* Тип по ATU не установлен, это локальный сюжет.

В башкирской волшебной сказке, как и в русской, отразился “обычай самопросватывания невесты как отголосок эпохи матриархата”¹: девушка заявляет герою о том, что она его супруга. Можно считать самопросватыванием, когда девушка заранее подсказывает парню, как узнать ее среди прочих.

Примеры свободного выбора жениха в волшебной сказке башкир разнообразны: царевна могла кидать в толпу шар, вручить избраннику цветок, надеть кольцо, которое считалось свидетельством верности, запустить птицу; иногда жениха выбирали в состязаниях. Больше всего примеров выбора жениха способом бросания яблока в толпу, ибо “яблоко связано с богатством, плодородием, вечной жизнью”².

Герою волшебной сказки приходится выбирать даже подарок / вознаграждение. В сказке “Девушка, егет, див” (АТУ 302) за службу баю героиня отказывается от денег и просит коня.

Выбор царя в сказке отличается большой архаикой и является даром судьбы: на чье плечо сядет запущенная в небо Хумай³ птица, тот станет царем.

В третьем параграфе “Запреты и наказание” после упоминания традиционных запретов “не выходить из дома”, “не продавать коня с уздечкой”, “не останавливаться на ночлег в каком-то месте”, “не трогать шкуру супруга” и т.п., внимание переключается на сказочные запреты, восходящие и к давним обычаям, и к современным поверьям башкир: сказка “Генерал Хорка” (АТУ 449) с запретом убивать змею (ср.: “Не убивайте змею во дворе, это может быть хозяин двора”, а за убийство белой змеи – царя-змея – следует расплата жизнью); сказка “Урал-батыр”, где отец запрещает сыновьям пробовать кровь хищника из бурдюка, так как, по верованиям народа, это прерогатива охотника, который через выпивание крови убитого им зверя станет обладателем силы зверя-тотема. В процессе анализа башкирских волшебных сказок были выявлены и такие, в которых вроде бы нет нарушений запрета (например, в сказке “Золотая рыбка” (АТУ 303) один из братьев-близнецов был принят женой другого за своего мужа, и когда они оказались в постели, мужчина положил между собой и невесткой меч и запретил через него протягивать руки. Это запрет, связанный с семейно-брачными обрядами. Если бы был нарушен запрет, то жена, возможно, изменила бы мужу, а брат предал бы брата. Не нарушается запрет и в сказке “Йылан кыз менән Вәнүшкә” (“Девушка-змея и Ванюшка”) на сюжетный тип АТУ 300: девушка-змея предупреждает Ванюшку, чтобы он не соглашался погреться и не останавливался у продавца воды, это грозит ему гибелью. В сказке “Клубок” (АТУ 485 А) запрет также остается действенным: старуха дарит девушкам сундук и запрещает его открывать.

¹ Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока). Диссертация ...канд. филол. наук. Владивосток, 2003. С. 24.

² Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009. С. 107.

³ Хумай – священная птица, приносящая счастье.

Надо полагать, в более ранних вариантах, которыми мы не располагаем, запрет традиционно нарушался и герой подвергался каким-то испытаниям. Отсутствие нарушений запрета в более поздних вариантах связано, на наш взгляд, характером главного героя, т.е. в таких случаях этого требует эстетика сказки.

По нашим наблюдениям, в волшебной сказке любого народа имеет место мотив наказания, которому подвергаются больше всего положительные персонажи. Это один из основных мотивов, потому что традиционно наказанием для главного героя сказки является выполнение трудных заданий, способствующее дальнейшему развитию сюжета. Наказанием для героя, нарушающего запрет, в основном становится добывание через испытания невесты/жены или мужа, превращение в птицу/животного, гибель близкого человека, женитьба героя на нечистой и др. Проходя через испытания, герой не один раз подвергается наказанию. В сказке “Девушка, егет¹, див” нарушивший запрет “не заходить в одну из комнат” егет должен убить дива, чтобы вернуть свою невесту. Егет и так уже наказан – див увел его невесту, но его ждет и второе наказание. В пути за душой дива егет нанимается к баю, чтобы заработать немного денег. Бай грозит ему наказанием “отрубить голову”, если он уследит за стадом. Егет справляется с заданием и получает за работу коня, который помогает ему добыть душу дива. Угроза “отрубить голову” встречается в сказках часто, но положительный герой обычно избегает этой казни. В сказке “Сафар” (ATU 465 A) одноименный герой, нарушив запрет жены “не говорить никому, что вещи сделаны ее рукой”, попадает под арест к царю, который впоследствии с помощью угроз “отберу жену” и смертной казни заставляет егета выполнить трудные задачи – добыть трех диких коней, затем “принести то, не знаю что”. Здесь одно наказание – постоянный страх потерять жену и второе – пройти трудное испытание при выполнении условий царя.

Из-за предательства жены расплачивается своей жизнью (временно) герой сказки “Умыс” (ATU 306): жена меняет его волшебные вещи на простые, а ее любовник предлагает выбрать Умысу вид смерти. Умыс велит любовнику жены разрезать тело на куски, завернуть в белый саван, положить его на коня, чтобы тот привез останки в родную сторону. В этой сказке отразился древний способ захоронений у башкир.

Предают героя сказки “Газ-батыр” (ATU 725) старшие братья – они душат его вожжами, забирают у него исцеляющую воду и отправляются домой. Обычно в волшебных сказках башкир физическая расправа-казнь происходит над отрицательными персонажами, а положительный герой редко попадает в такую ситуацию, но и тогда волшебный помощник его исцеляет.

Совсем другая картина вырисовывается в отношении отрицательных персонажей башкирской волшебной сказки. Во-первых, отсутствует их моральное наказание; во-вторых, за обман и иные злодеяния они всегда караются

¹ Егет – юноша, молодой человек, джигит.

смертью.

В двух сказках хан / ханский начальник пытается избавиться от героя посредством казни: сжигают или отрубают его голову. Происходит исцеление героя, и он казнит своего врага точно такой же казнью, какую применили по отношению к нему. Как правильно замечает А.В. Козьмин, "...на наказании плохих и награждении хороших должна оканчиваться волшебная сказка"¹.

В четвертом параграфе "Исцеление" рассматриваются сюжеты, в которых обнаруживаются эпизоды исцеления, мотивы поиска средств для лечения заболевшей матери, отца, царевны, царя и т. д. Например, исцеляющее (оживляющее) свойство имеет яблоко: в сказке "Ахмет-жулик" (АТУ 653А) монгольский царевич дал девушке понюхать яблоко, и она ожила; в "Киизбай и царские дочери" (АТУ 530) герой кормит царевну кусками разрезанного яблока. В башкирской волшебной сказке используются многообразные способы лечения болезней волшебными продуктами, огнем, магическими способами, молитвой (идет от ислама); упоминается и условно-рациональный способ – с помощью музыки, трав, шкуры зверя и т.д. и, наконец, способ "кот койоу" ("отливания олова") – вид лечения от испуга.

В пятой главе **"Сравнительное изучение сказок разных народов"** рассматриваются в сопоставительном плане сказки разных народов в двух направлениях. Первое – это сказки о мачехе и падчерице в сравнительном изучении с тюркскими, восточнославянскими и более отдаленными территориально другими народами. Второе – выявление близких параллелей в сказках башкир и ряда тюркских народов: турков, сибирских тюрков и тюрков Дагестана.

Первый параграф "Тюркские и восточнославянские сказки о невинно-гонимых" посвящен анализу тюркских и восточнославянских сказок о невинно-гонимых, представленных большим количеством записей сказок на этот сюжет, что, несомненное свидетельствует об активном бытовании сказок данного цикла и их значении в сказочном репертуаре башкир.

Башкирские сказки о мачехе и падчерице условно делятся на две группы:

1) неродная дочь изгоняется из дома (вариации: "иди за клубком", "отвези, старик, свою дочь в лес", "отведи свою дочь в баню") и возвращается богатой (сказки "Клубок" (АТУ 485А), "Неродная дочь и бисура*" (АТУ 480С), "Неродная дочь Гульбике" (АТУ 485А), "Ишэле и Хоябике" (АТУ 480);

2) от падчерицы избавляются путем превращения ее в птицу (сказки "Кукушка" (АТУ 403В), "Неродная дочь" (АТУ 511), "Сивая корова" (АТУ 511).

Подобные присутствуют и в русских сказках: "Морозко" (оба варианта), "Дочь и падчерица", "Старуха-говоруха», "Баба-яга" (оба варианта); "Василису

¹ Козьмин А.В. Сюжетный фонд сказок: структура и система. М., 2009. С. 95.

* Бисура – кикимора.

Прекрасную” можно отнести к первой группе, а “Крошечку Хаврошечку» и “Буренушку”¹ – ко второй.

Даже при разительном сходстве сюжетов в них налицо отличительные моменты. Так, в русской народной сказке “Крошечка-Хаврошечка” (ATU 511), украинской – “Мать-рысь” (ATU 511 + ATU 403), башкирской “Падчерица” (ATU 511 + ATU 403), узбекской – “Дочь пастуха” (ATU 485 A + ATU 511 + ATU 510 + ATU 403) мачеха дает падчерице сходное трудное задание – напрядь много пряжи и наткать полотна. Справиться с ним героине помогает корова, но способ ее помощи различен. Если в восточнославянских падчерица либо влезает в ухо коровы, либо достает из него готовую продукцию, то в тюркских – корова должна съесть волокно, потом выпустить нитки (полотно) либо через рот, либо через вымя. В этом сюжетном типе внимание привлекает еще один момент: из захороненных останков коровы в русской и башкирской сказках вырастает яблоня, но яблоки с нее может сорвать только падчерица, а в узбекской сказке останки коровы превращаются в нужные падчерице элементы одежды: коровья шкура – в златотканную шубу; копыта – в сапожки, да такие красивые, словно лодочки; кровь – в шелковое платье; кости – в кораллы, алмазы и жемчуга.

В сказках башкир, узбеков, азербайджанцев наибольшее распространение получили сюжеты о мачехе и падчерице. Сюжетные типы ATU 403 (Подмененная жена), ATU 480 C (Падчерица в бане), ATU 510 (Золушка), ATU 511 (Чудесная корова) бытуют у многих народов. Реже встречается, либо совсем отсутствует сюжетный тип ATU 409 (Мать-рысь), чаще у тюркских народов отмечается сюжетный тип ATU 485A (Мачеха и падчерица), а у русских – ATU 480 (Падчерица в бане). В то же время у некоторых народов существуют сюжеты, не имеющие параллелей у других народов. К таким сюжетам относятся восточнославянский – “Мачеха, преследующая падчерицу из зависти к ее красоте”, башкирский – “Чудесный горшок”, узбекский – “Неряшливый сын мачехи хочет жениться на падчерице”.

Сравнительное исследование сюжетов о мачехе и падчерице в сказочном репертуаре восточных славян и тюрков показало большое их сходство как на уровне сюжетов, так и на уровне системы образов, а выявленные отличительные моменты указывают на национальные особенности изучаемого материала.

Во втором параграфе “Дальние параллели башкирских сказок о невинно-гонимых” рассмотрены чукотские, бенгальские, тибетские, арабские, финские, венгерские, немецкие и др. сказки. Сюжетная канва сказок типа ATU 480 A у всех этих народов в основном совпадает. Так, главная героиня чукотской сказки “Девочка Анкаквану” – сирота, но не падчерица, а живет со старенькой бабушкой, поэтому добывание пищи – ее забота. В поисках еды она попадает в дом старухи-людоедки, выполняет ее условия: собирает съедобные корни и растения, сушит мясо и натапливает жир. За добросовестный труд девочка

¹ Русские народные сказки А.Н. Афанасьева. М., 1985. Т. 1. С. 113-132.

получает в подарок от людоедки маленький кожаный мешочек с кусочками различного мяса – нерпы, моржа, кита, лахтака, белуги – и наказ: после возвращения домой выкопать ямы и положить в каждую из них по кусочку мяса. Девочка все сделала, как надо, и поутру обнаружила, что все десять ям набиты мясом и жиром морского зверя. С тех пор они жили в достатке.

Как видно, сюжет чукотской сказки напоминает сюжет АТУ 480 А. В чукотской сказке, в отличие от сказок на этот сюжет, нет образов мачехи и ее родной дочери, поэтому она не имеет продолжения, традиционного для других народов.

В бенгальской сказке “Плешивая жена” (АТУ 480 С) старшая жена убегает из дома, не выдержав преследований младшей жены, в лес, где она собиралась умереть с голоду, она делает добрые дела и попадает в шалаш святого мудреца, который велит женщине один раз окунуться в пруд, после та становится очень красивой. По велению старика женщина выбирает в его шалаше себе плетеную корзину попроще, в которой оказались золотые монеты, жемчуга и драгоценные камни, и возвращается домой. Младшая жена тоже попадает к старику, но вместо одного раза ныряет в пруд дважды, становится безобразной и остается служанкой в своем доме. Как видно, бенгальская сказка ведет повествование по-своему, хотя на первый взгляд кажется, что события развиваются так же, как и во всех сказках на названный сюжет.

Проведенный анализ других национальных параллелей сказок на сюжетные типы АТУ 480 А, С; АТУ 510 А позволил сделать вывод о том, что несмотря на схожесть сюжетной канвы, в них имеют место существенные отличия, как например, вместо падчерицы выступают старшая и младшая жены в бенгальской сказке, отличаются их добрые дела, способ вознаграждения и финал сказки.

В третьем параграфе “Близкие параллели в сказках тюркских народов” в сравнительном плане рассматриваются сказки ряда тюркских народов (турецких, алтайских, тувинских, якутских, кумыкских, лакских) и выявляются сходные сюжеты, мотивы и персонажи.

Сравнение тувинской сказки “Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара” с тремя вариантами башкирской сказки (“Мальчик с медвежьими ушками”, “Богатырь-Айыу-голак”, “Аюголак”) позволило выявить большое сходство их содержания и характеристики персонажей. Сюжет якутской сказки “Медвежий сын Мишка-Михайло” в корне отличается от одноименных сказок башкир и тувинцев. Общим является лишь то, что герой растет быстро (“не по дням, а по часам: за сутки – как за месяц, за двое суток – как за два месяца”), и то, что уговаривает мать вернуться жить к людям.

В сказках башкир и кумыков выявлено сходство на уровне мотивов и персонажей. В башкирской сказке АТУ 311 + АТУ 310 + АТУ 403 “Шейх” имеет место мотив обмена глаз на воду, который встречается и в лакской сказке “Красная корова”; мотив наказания способом привязывания виноватого к

хвостам лошадей, часто встречающийся в башкирских сказках, свойственен и лезгинской сказке “Дочь царя Султана” и т.д.

Шестая глава “Формулы красоты в сравнительном рассмотрении”-- посвящена изучению формул женской красоты в сказках тюркских, монгольских народов, восточных славян и отчасти более отдаленных народов (бенгальские, арабские и т.д.). Эти формулы впервые изучаются применительно к башкирской сказке и в сопоставлении с другими сказочными традициями. Опираясь на намеченный В.Я. Проппом исторический подход, формулы красоты сгруппированы нами в историко-поэтической последовательности в две большие группы.

В первом параграфе “Атрибутивные формулы” рассмотрены в пяти подгруппах следующие элементы сказочной формульности:

1. Светила как “части тела”. С точки зрения исторической поэтики они представляют особый интерес, т.к. солнце, луна, звезды оказываются непосредственной “частью тела” и, по замечанию В.Я. Проппа, наделяются “признаками неба”¹. Эта атрибутивность представляется наиболее ранней и встречается в сказках башкир, татар, бессарабских гагаузов, восточных славян и карел.

2. “Собственное” излучение света. В основном две разновидности: свечение всего тела и свечение лица. Изучение формул свечения показало обширность ареала их распространения. Примеров, где бы девушка (в совсем единичных случаях - ребенок, парень) светилась вся целиком, оказалось не очень много, но происходят они из самых разных регионов (башкирск., татарск., уйгурск., тувинск., узбек., туркменск., русск., украинск., карельск., бенгальск.).

Более ограниченный круг составляют, как нам кажется, сказочные традиции, в которых говорится об излучении света только лицом (в одном тувинском примере – еще и затылком) красавицы. Причем надо оговориться, что это может происходить и в сказках тех же самых народов, у каких отмечалось и общее свечение.

3. Золото как “материал”. Здесь имеются в виду золотые волосы героини. У некоторых народов указание на “золотоволосость” девушки заключается в самом имени, например, баш. Алтынсәс – “Золотой волос”. Есть примеры, когда золотой мыслится героиня вся (башкирск., тувинск., турецк.). У сказочных персонажей ряда народов (башкирск., алтайск., турецк., бурятск., русск., белорусск., карельск., марийск.) из золота бывает только часть тела (голова, руки, туловище и др.).

4. “Прозрачность”. Формулы этого типа также свидетельствуют о сохранении ранней атрибутивной изобразительности, но они встречаются очень редко. В башкирских сказках они не выявлены, а в рассмотренных нами сказочных традициях формулы “прозрачности” отмечены в сказках якутов, туркмен,

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.; Изд-во ЛГУ, 1986. С. 179.

русских и карел.

5. “Следствия” жестов, движений, эмоций. Формулы данной группы тоже фиксируют “материальные” свидетельства необычайных свойств героини типа: при ее появлении в башкирской сказке “птицы начинают громче петь, листья шелестят без ветра”; с пробуждением девушки “комната стала светлее, а на озере заиграли лучи”; при плаче у нее “изо рта пламя выходит”.

Очень интересные примеры следствия движения красавицы выявлены также: в бурятской (когда красавица поднимет руки - из подмышек выдры падают, а взмахнет - снова выдры падают); в узбекской (вместо слез у нее из глаз жемчужины будут катиться); в турецкой (слезы рассыпаются жемчугом); в украинской (жемчуг катится); в индийской (жемчужины роняет) сказках.

Различные явления возникают и при смехе красавицы: девушка смеется цветами в сказках башкир, туркмен, украинцев; изо рта девушки сыплются розы у узбеков, у азербайджанцев; а у турок: “когда девочка смеялась, распускались розы” и “смех расцветает розами”, в азербайджанской сказке “пери ханум рассмеялась, из ее рта выскочила искра и воспламенила дервиша”, а в индийской сказке, когда красавица смеется, она роняет рубины. Итак, при смехе сказочной красавицы в основном сыплются цветы, реже – появляется искра и падают рубины.

Повторяемость одних и тех же формул у разных народов объясняется общностью их мировоззрения, климатических условий, соседством и т.д., а разница в них подчеркивает черты уникальности эстетики каждого народа (или группы народов).

Во втором параграфе “Фигуративные формулы-сравнения” рассматриваются формулы, основанные на принципе художественного уподобления. Наиболее распространено уподобление героини светилам, например, солнцу (очень красивая, как солнце девушка); луне (девушка, похожая на полную луну); и солнцу, и луне одновременно (одна щека как луна, другая как солнце).

В таких случаях формульное сопоставление красоты девушки с небесными светилами воспринимается как специфически-художественное, фигуративное. В плане исторической поэтики это другой этап образительности. Судя по материалу, изображение сказочной героини складывается на “атрибутивной” основе. Однако атрибутивные формулы сочетаются и сосуществуют с формулами-сравнениями.

В главе седьмой “Взаимодействие волшебной-героической и богатырской сказки с другими жанрами” раскрываются *loci communes* у двух жанров, сравниваются на сюжетном уровне одноименные эпос и сказка “Урал-батыр”, выявляются сказочные мотивы в эпосе “Урал-батыр”, обнаруживаются поэтико-генетические связи с песней.

В первом параграфе “Общие *loci communes* эпоса и сказок” общность сказки и эпоса выражена на уровнях – сюжеты, эпизоды, мотивы, персонажи,

чудесные помощники и предметы. Анализ материала показал, что сюжетов, общих для сказки и эпоса, четыре: 1) сказка “Урал-батыр” и эпос “Урал-батыр”; 2) сказки “Алп-батыр”, “Алпамыша и Барсынхылу”, “Алпамыша батыр” и эпос “Алпамыша”; 3) сказки “Алма батыр и Алмабика”, “Кусяр-хан и Кусмяс-хан” и эпосы “Кузыкурпяс и Маянхылу” и “Куз-Курпяч”; 4) сказки “Дандан-батыр”, “Сайфельмулюк” и эпосы “Сайфельмулюк” и “Бадигульямал и Сайфельмулюк”. Как видно из примеров, кроме третьего, в основном совпадают даже названия сказок и эпических памятников.

Мотивов, общих для сказки и эпоса, выявлено восемь: “чудесное рождение героя”, “богатырское детство”, “предбрачные состязания”, “выпытывание героем тайны путем сдавливания курмаса¹ в руке матери”, “крепкий богатырский сон”, “убиение щелчком”, “встреча героя с пастухами”.

Общность сказок и эпоса башкир отмечена также на уровнях формульном (“Бороться или биться будем?”, “человеческим духом пахнет”, “вырви три волоска из гривы”), персонажей (Акбузат – серая лошадь; тулпар – мифический крылатый конь; дью-пяри – дэв, демон; мяскай – обжора, вампир, упырь; убыр карсык – ведьма, баба-яга; аждаха – дракон) и волшебных предметов (волшебное зеркальце, волшебная секира, серебряное зеркальце).

Утверждение некоторых исследователей (Мирбадалева, Сагитов, 1977. С. 477; Бараг, Зарипов. С. 411; Котов, 2000. С. 50) о том, что сказка “Урал-батыр” – это сказочный вариант эпоса “Урал-батыр”, не является бесспорным. На первый взгляд, наличие существенных общих мотивов как бы позволяет так думать. Однако, по мнению фольклориста Б.Г. Ахметшина, “сказка и эпос представляют два самостоятельных вида искусства, которые развивались параллельно, постоянно соприкасаясь и взаимодействуя друг с другом” (Ахметшин, 2000. С. 260). Такого же мнения придерживаемся мы, поскольку синоптическое сопоставление текстов двух названных произведений по методике проф. В.М. Гацака показало существенные различия между ними. Прежде всего, резко различаются сюжетные линии произведений, что позволяет считать, что сказка “Урал-батыр” не версия эпоса, а самостоятельная богатырская сказка, где все действия происходят по законам сказки (Хусаинова, 2000. С. 265). Второй точки зрения придерживается также известный исследователь З.Г. Аминев, который считает, что “в них нет поиска ответов на основополагающие вопросы человеческого бытия, как: “кем, когда и как был создан этот мир и человек в нем” как в эпосе “Урал-батыр” (Аминев, 2013. С. 18).

Во втором параграфе “Сказочные мотивы в башкирском эпосе”. В эпических произведениях башкир выделены следующие сказочные мотивы: “поведение на развилке дорог”, “превращение героя в различные существа”, “выбор коня”, “вызов коня”, “удар коня”, поведения говорящих коней, мотивы

¹ Курмас – жареное зерно (пшеница, рожь и т.п.).

“девушки-птицы”, “живой воды”, “испытания сыновей”, “стрельбы из лука сквозь золотое кольцо”, “нахождения души дью-пярия¹ вне души”.

Наличие общих сюжетов и мотивов и в эпосе, и в сказке объясняется в диссертации не только тем, что часто сказочники становились и исполнителями эпических произведений, но и тем, что и эпос, и сказка существовали и развивались на протяжении столетий в процессе.

В третьем параграфе “Песенные вставки в волшебных сказках”. Волшебные сказки башкир, как правило, излагаются прозой. Наряду с ними, выявлены тексты сказок, в которых присутствуют песенные вставки. В трех башкирских волшебных сказках “Фатима”, “Убыр-свекровь и несчастная невестка”, “Шагали”, например, повествование прозой перемежается с поэтическим текстом. Было замечено, что персонажи башкирских волшебных сказок произносят хамаки-рифмованные прибаутки в минуты психологического напряжения или отчаяния, и они звучат как просьба, обращение или вопрос. Хамаки и песни стали составной частью сказки и органично включены в ее содержание.

Сказка “Кильтай Марган” оказалась единственной, включающей колыбельную песню. Являясь необходимым элементом текста сказки, она выполняет еще и функцию оповещения главного героя. В сказке “Таз батыр” были выявлены два образца такмаков (аналог частушек), сочиненных подхалимом-сэсэнном (сказителем) по приказу братьев героя. Они выполняют функцию оскорбления главного героя. В данном случае такмак, украшая сказку, не сплетен с содержанием сказки, это вставка легко может быть удалена, не причиняя вреда тексту сказки.

В восьмой главе “Отражение материальной и духовной культуры народа в волшебной башкирской сказке” предметы материальной культуры башкир – войлок и одежда, упоминаемые в сказочном тексте, рассматриваются как важные показатели и выразители национальной специфики.

В первом параграфе “Войлок и его функции в волшебной сказке башкир” рассматривается множество волшебных сказок, в которых фигурирует войлок – материал, широко используемый башкирами и другими тюркскими, монгольскими народами, занимающимися скотоводством, для изготовления как элементов одежды, так и предметов быта.

В башкирских волшебных сказках “Падчерица” (ATU 511 + ATU 403 B), “Черный щенок” (ATU 707) волшебные помощники велят герою стелить перед ними белый войлок, на который они кладут необходимый герою предмет. Белый войлок велит стелить перед ослом и герой сказки “Дубина-самобойка” (ATU 563). Когда “постелили белый войлок, поставили перед ним осла и сказали: “Дай золото! Дай золото!” Белый войлок наполнился золотом”. В перечисленных сказках белый войлок стелится и перед волшебными помощниками героя – это

¹ Дью-пярий – то же, что див.

устойчивый элемент сюжета: в первой сказке он необходим для того, чтобы чудесным образом участвовать в вызове волшебных помощников и служить своеобразным местом сортировки для рассыпанных пшеницы и пшена, которые падчерица должна рассортировать, то в двух последних – для получения героем недостающих ему золота и исчезнувших сыновей. Перечисленные предметы (пшеница, пшено, золото) в народном сознании очень дорогие, даже в какой-то степени святые вещи, как и найденные сыновья в другой сказке, и вполне заслуживают лежать на белом войлоке, который у тюркских народов, в том числе и у башкир, считался особенным.

Войлок выполняет функцию летящего ковра (“ковра-самолета”) в сказках “Летящая кошма” (ATU 518); “Сон Таза” (ATU 725 + ATU 518). В обоих случаях летящая кошма попала в руки героя от детей шайтана (чёрта), которые дрались за доставшиеся им от отца чудесные предметы, в том числе за летящую кошму.

В волшебной сказке, как и в жизни, войлок используется для врачевания персонажей в сказке «Акъял батыр» (ATU 301 В + ATU 516 В) Урман батыр отрезал полоску войлока, подпалил ее и прижег рану. В сказках “Сын Акхана и дочь Карахана” (ATU 706 С + ATU 621 + ATU 301), “Габдрахман” (ATU 575) войлок упоминается как постельная принадлежность; в сказке “Змея Яркай” (ATU 440 + ATU 400), записанной нами в 2012 г. в дер. Буранбаево Баймакского района от Утябаевой Нурии (1927 г.р.), змея говорит девушке: “Закрой окна войлоком”, что свидетельствует об использовании башкирами войлока в функции матраца и шторы.

Оказалось, в основном в сказках упоминается белый войлок, имевший особенное место в культуре как башкир, так и других народов, у кого изготавливается войлок. Лишь в нескольких сказках войлок упоминается как рядовой предмет быта. Даже в двух современных записях сказок имеет место белый войлок, что свидетельствует о сохранности традиции использования предмета материальной культуры – войлока – в духовной культуре народа: в частности, в волшебных сказках.

Во втором параграфе “Элементы одежды в сказке” упоминаются разнообразные элементы одежды в башкирской волшебной сказке, демонстрирующие социальное и имущественное положение ее персонажей, их воинские достоинства. Это нашло подтверждение и в сказках. В сказке “Дандан батыр”^{*} герою, избранному царевной, повелитель велит пойти на базар и купить “ботинки с когтями, перчатки”; в другой сказке перечисляются элементы одежды воина: “на нем хороший воинский чекмень, на голове хорошая бобровая шапка, на ногах блестящие сапоги, на поясе меч с серебряной рукояткой”, а в третьей царевна показывает избраннику свою шляпу и говорит: “Вот шляпа, по которой меня узнают как царевну”.

* Своеобразная вариация мотивов, известных по арабскому дастану «Жизнеописание Сайфа, сына царя Зу Язана».

В волшебных сказках нередко обычная одежда обладает чудесным свойством: делает героя невидимым, позволяет ему улететь (иногда еще надо надеть рубашку наизнанку). Верхняя одежда способна сохранить человеку жизнь – на этом свойстве основана ее разнообразная семантика в сказках.

В башкирских волшебных сказках одним из показателей бедности героя является почти полное отсутствие одежды: “...жили очень бедно... нормальной одежды не было, чтобы надевать”, “кроме ката¹ на ногах у него ничего не было”.

Дары помощника, являющиеся элементами одежды, формируют мотив оказания помощи герою. Так, в сказке “Незнай” (АТУ 532) конь говорит герою: “Будет лежать одежда воина, которая в огне не горит, в воде не тонет, саблей не рассекается”.

Среди элементов одежды в башкирской волшебной сказке привлекают внимание шубы, сшитые из шкур животных, считавшихся тотемными: “бычья шуба”, “собачья шуба”, “гусиная шуба”, “шуба из лебяжьего пуха”, “змеиная шуба”. Не менее показательны фантастическая “неизнашиваемая обувь”, которую обувает героиня, отправившаяся искать супруга, поскольку тот исчез после того, как она сожгла его шубу, а также парадоксальные, невероятные, подчиняющиеся фольклорному закону “создания невозможного”: “варежки из шкуры вши”, которые должна сшить одна из жен героя к его возвращению из путешествия.

В третьем параграфе “Исламские элементы в волшебной сказке” сравнение ранних публикаций с более поздними показало, что в советское время при подготовке к изданию из сказок убирались даже упоминания о выполнении мусульманами-башкирами религиозных обрядов. Тем не менее, в сказках остались отдельные элементы ислама. Выделяются тексты волшебных сказок с названиями, содержащими ссылки на исламские элементы (со словом “мулла”), которых оказалось только три (но в архивах их больше): “Карамулла” (АТУ 325), “Убырлы мулла” (АТУ – локальный сюжет), “Девушка-сирота и мулла” (АТУ 706 Е + АТУ 709 + АТУ 707). Во всех трех сюжетах мулла является отрицательным персонажем, выступает в роли чародея-людоеда, злодея наряду с дэвом и демоническими персонажами. Мулла – наиболее часто встречающийся в башкирской волшебной сказке персонаж по сравнению с другими исламскими духовными лицами или святыми. Его функции в сказках такие же, как в реальной жизни – учить детей, лечить людей, читать никах², йыназу³.

В волшебных сказках башкир очень редко упоминаются имена мусульманских святых: лишь один раз встречается имя Сулейман Пэйгембера⁴ (в сказке “Бадигульямал и Сайфелмулюк”); еще в трех сказках, вероятно, подразумевается Хызыр-Ильяс – добрый встречный старик.

¹ Ката – глубокие кожаные галоши на каблуках.

² Никах – брак, брачный союз.

³ Йыназа – отпевание, панихида.

⁴ Сулайман – коранический персонаж, благочестивый и мудрый древний царь, библейский Соломон.

В башкирских народных сказках часто упоминаются молитвы, которые помогают герою в трудной ситуации. В сказке “Умыс”(АТУ 306 + АТУ 318) девушка, помогающая Умысу, учит его двум молитвам, при чтении которых герой по желанию может превратиться то в утку, то в человека. В сказке “Галия” (АТУ 307 D) героиня спасает членов семьи, прочитав доселе неизвестные никому молитвы. В этой же сказке из-за произнесения самого волшебного слова в исламе “бисмилла” муж героини чуть не погибает, но жена снова спасает его чтением молитв.

В некоторых сказках приводится рассказ о том, как герой выполняет главные предписания ислама: совершает ритуальное омовение¹, читает намаз – обязательную молитву у мусульман, совершаемую пять раз в сутки. В сказке “Черный щенок” (АТУ 425 А) персонаж совершает ритуальное омовение. В сказке “Тысячелетний” (АТУ 313 А) говорится о чтении намаза, а в сказке “Биранхылу – дочь Бире” (АТУ 313 В) даже уточняется название намаза, который читает герой: “...лиса в облике Биранхылу вышла читать нафел-намаз (дополнительный благодарственный намаз)”. Выполнение исламских обрядов, как свадебных, так и погребальных, вобравших в себя много исламских элементов, занимавших прочное место в быту башкир, также нашло отражение в народных волшебных сказках. В сказке “Умный кот и плешивый” (АТУ 545 В) за невесту надо платить “мэхэр”-выкуп, в сказках “Габдрахман”(АТУ 575) и “Иблиамин” (АТУ 654 В) молодоженам читают никах (о браке), в сказке “Мулла-людоед” (АТУ 311 + АТУ 310 + АТУ 403) мулле приглашают читать “йыназу” (молитву по покойному). В ряде сказок упоминается многоженство, допускаемое исламской религией (сказки “Черный щенок” (АТУ 707), “Кильтай-Мерген” (АТУ 514)). Исламский элемент погребального обряда выявлен в сказке, и т.п. В сказке “Храбрый малай” (АТУ 675* + АТУ 812 + АТУ 328) находим поэтические описания рая и ада.

В девятой главе “Концептосфера в башкирской волшебной сказке (к постановке проблемы)” намечается исследование концептов волшебных сказок башкир. Изучение концептов “гора”, “счастье” в башкирской народной сказке будет способствовать выявлению и изучению других концептов, а в перспективе позволит более подробно сравнить их с одноименными концептами в других жанрах фольклора башкир (в эпосе, песнях, обрядовой поэзии и др.).

В первом параграфе «Концепт “гора”» отмечается, что в башкирских сказках горы используются в маркировании географического пространства: “В древние-древние времена у подножия горы Урал жил старик...”, герой сказки поднимается на гору и находит там богатство, встречается с будущей женой, братьями, а иногда и с врагами; за горой герой иногда обнаруживает красивый мир или даже рай, за горы уносят похищенных девушек или главного героя (в

¹Ритуальное омовение в исламе является обязательным условием для совершения намаза, тавафа, прикосновения к Корану и желательным при выполнении других видов поклонения.

сказке “Уральская вода” и др.). Горы в сказках обычно символизируют препятствия на пути героя: чтобы избавиться от преследующего его мифического персонажа, герой бросает за спину волшебный предмет, на месте него появляются непроходимые скалы или горы, задерживающие преследователя на некоторое время.

В текст башкирских сказок нередко включаются этиологические мифы о возникновении гор: провинившегося героя привязывают к хвосту кобылы, и та тащит его по земле: “...на месте, где голова, спина коснулись земли, возникли горы”, “...на тех местах, которых коснулась спина, образовались горные хребты”.

Слово “гора” в сказках – нередко составная часть гиперболы, гиперболического сравнения: “человек величиной с гору”, “кости величиной с гору”, “дэв, огромный, как гора” и др.

Во втором параграфе «Концепт “счастье”» рассматриваются сказки, в которых герой отправляется на поиски счастья – предмета, овладев которым, можно стать счастливым, или мифологического существа – “птицы счастья”, “утки, которая носит золотое яйцо” и т.д. Герой сказки мечтает попасть на то место, где можно взять счастье: “помоги попасть на место, где берут счастье”, “покажите дорогу к счастью”, “ищет счастье”. В итоге герой волшебной сказки, по представлениям башкирского народа, по-настоящему бывает счастлив, только совершив добрые дела.

В **Заключении** диссертации сформулированы основные выводы по рассмотренным проблемам.

Впервые воссоздана история собирания, публикации, изучения башкирской волшебной сказки. Определены особенности современного состояния волшебной сказочной традиции у башкир, установлены основные закономерности бытования и манеры исполнения сказок на рубеже XX – XXI веков: это постепенная утрата “канонической стилистики” сказки, упрощение ее сюжетостроения.

В диссертации впервые определен сюжетный состав башкирской волшебной сказки, включающий как “международные” сюжеты, так и сюжеты, широко бытующие у ряда других тюркоязычных народов, так и специфически башкирские, уникальные сюжеты, отсутствующие (или пока не найденные) в подобных сказках близкородственных народов, в том числе установлены сюжетные контаминации.

Применение сравнительно-исторического метода при анализе сказочных сюжетов башкир позволило установить разнонаправленные историко-культурные и фольклорные процессы: во-первых, общие для сказкообразования и бытования сказок у тюркских народов и, шире, у разных народов Евразии; во-вторых, уникальные, обнаруженные только у башкир. Например, “Быжырмэргэн”, “Чудесный горшок”, “Юха” и др.

Разработана типология наиболее важных героев волшебных сказок башкир: это егет (молодой человек) – обычно с именем, реже Таз (Плешивый); женские

персонажи – девушка-невеста, жена, а также их противники (часто мифические). Установлены типы и разновидности мифических персонажей: мужские (дэв, иргаиль, аждаха); женские (мәскәй эбей (старуха-упырь) и убырлы карсык (старуха-людоедка)). Учтена и периферия сказочных персонажей, порой включающая древнейшие типы, восходящие к мифологии тюркских племен. Это антагонисты героя: дейеү (дэв), аждаһа (дракон), иргәйел (карлик), гифрит (чудовище) мәскәй (старуха-упырь), йылан (змея), юха (мифический змей, живущий тысячу лет), и др.; и помощники героя – Акбузат (бело-серый конь), Сәмреғош (гигантская мифическая птица), чудесная супруга героя.

На основе анализа важнейших смысловых моментов сказок, а именно мотивов (выбора, нарушения запрета, наказания, исцеления) выстроены важнейшие сюжетные схемы взаимодействия главных и второстепенных мотивов, последовательность их расположения в сказках разных типов, находящихся внутри волшебносказочного комплекса.

Впервые монографически исследованы башкирские сказки на сюжет “мачеха и падчерица” в сопоставлении с аналогичными сказками.

Установлен ряд корреляционных взаимозависимостей и, наоборот, односторонних влияний (воздействий) между башкирскими волшебными сказками и аналогичными сказками других тюркских народов и народностей, а также соседних народов других языковых групп. Обнаружено и типологическое сходство между сказочными сюжетами народов, отдаленных территориально и в языковом отношении, что объясняется общей канвой исторического развития и психологической общностью человечества.

На основе комплексного анализа волшебных сказок с сопоставлением их с другими фольклорными жанрами (в первую очередь, с эпосом, быличками и поверьями) выявлена некоторая степень открытости жанровых границ, установлен факт взаимного проникновения элементов указанных жанров и жанровых образований. Все это свидетельствует о формировании прозаических комплексов примерно в одинаковые эпохи эволюционного развития, о тесном бытовании разных жанров на протяжении значительного исторического периода, о единстве фольклорной поэтики (наряду с наличием специфических жанровых особенностей).

Проведены поиск и реконструкция оптимальных условий для создания и функционирования башкирских волшебных сказок, отмечена их обусловленность этногенетическими процессами, обрядовой действительностью разных исторических эпох. Обращено внимание на стремление народа к фиксации важнейших парадигм бытия в синкретическом словесно-музыкально-акциональном сказочном комплексе, поскольку в устном исполнении сказки неразрывно соединены прозаический, часто ритмизованный словесный текст, иногда с песенными вставками, с жестикულიацией сказочника, с репликами слушателей, изредка с включением в действие каких-либо бытовых предметов, являющихся наглядными атрибутами сказок и т.п.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в изданиях, реферируемых ВАК

1. Хусаинова, Г.Р. Восточнославянские и тюркские сказки о мачехе и падчерице / Г.Р. Хусаинова // Научный альманах “Традиционная культура”. – № 2 (22). – Москва, 2006. – С. 99 – 103.
2. Хусаинова, Г.Р., Ахметшина, Г.М. Исследования башкирской традиционной культуры и фольклора в ИИЯЛ УНЦ РАН / Г.Р. Хусаинова, Г.М. Ахметшина // Научный альманах “Традиционная культура”. – № 2 (22). – Москва, 2006. – С. 79-83.
3. Хусаинова, Г.Р. Башкирская народная сказка на сюжет АТ 485 А в современной записи / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 30. Филология. Искусствоведение. № 10 (148). – Челябинск, 2009. – С. 147 – 150.
4. Хусаинова, Г.Р. Мотив наказания в башкирской волшебной сказке / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 33. Филология. Искусствоведение. № 22 (160). – Челябинск, 2009. – С. 141 – 143.
5. Хусаинова, Г.Р. Отражение традиционных целительских знаний башкир в народных сказках / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 42. Филология. Искусствоведение. № 11(192). – Челябинск, 2010. – С. 143 – 146.
6. Хусаинова, Г.Р. Башкирская народная сказка и эпос: к проблеме взаимодействия жанров / Г.Р. Хусаинова // Вестник Башкирского университета. – Том 15. – № 3 (1). – Уфа, 2010. – С. 1078 – 1079.
7. Хусаинова, Г.Р. К сравнительному изучению сказок башкир и сибирских тюрков / Г.Р. Хусаинова // Мир науки, культуры, образования. – № 3 (22). – Горно-Алтайск, 2010. – С. 28 – 31.
8. Хусаинова, Г.Р. Башкирская народная сказка и эпос: общие места / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 55. Филология. Искусствоведение. № 17 (232). – Челябинск, 2011. – С. 167 – 171.
9. Хусаинова, Г.Р. Публикации текстов и исследования по башкирским народным сказкам (из истории башкирской фольклористики) / Г.Р. Хусаинова // Вестник Башкирского университета. – Том 16. – № 3 (1). – Уфа, 2011. – С. 1088 – 1090.
10. Хусаинова, Г.Р. Мотив как единица сюжета: общее и различное в сказках башкир и сибирских тюрков / Г.Р. Хусаинова // Филология и человек. – № 1. – Барнаул, 2011. – С. 190 – 198.
11. Хусаинова, Г.Р. Отражение мифологических воззрений в башкирской волшебной сказке / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 71. Филология. Искусствоведение. № 32 (286). – Челябинск, 2012. – С. 126 – 129.
12. Хусаинова, Г.Р. Башкирская народная сказка и ислам / Г.Р. Хусаинова // Вестник Башкирского университета. – Том 17. – № 3 (1). – Уфа, 2012. – С. 1533 –

1534.

13. Хусаинова, Г.Р. Отражение традиционных целительских знаний башкир в народных сказках и заговорах / Г.Р. Хусаинова // Научный альманах “Традиционная культура”. – № 1 (49). – Москва, 2013. – С. 34 – 41.

14. Хусаинова, Г.Р. Персонажи башкирской волшебной сказки: мифологические противники героя / Г.Р. Хусаинова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – № 4. – Элиста, 2013. – С. 84 – 87.

15. Хусаинова, Г.Р. О традиции и импровизации в современных текстах башкирских сказок: к применению теории П.Г. Богатырева / Г.Р. Хусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 90. Филология. Искусствоведение. № 10 (339). – Челябинск, 2014. – С. 144 – 147.

16. Хусаинова, Г.Р. Мифологические помощники героя в башкирской волшебной сказке / Г.Р. Хусаинова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – № 4. – Элиста, 2014. – С. 155 – 160.

17. Хусаинова, Г.Р. Украинская тема в башкирской фольклористике / Г.Р. Хусаинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 47 (46): в 2-х ч. Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2015. – С. 213 – 215.

18. Хусаинова, Г.Р. Сюжетообразующие мотивы башкирской волшебной сказки / Г.Р. Хусаинова // Филология и человек. – № 1. – Барнаул, 2016. – С. 166 – 172.

Монографии и фольклорные сборники

19. Хусаинова, Г.Р. Поэтика башкирской народной волшебной сказки: формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени / Г.Р. Хусаинова. – М: Наука, 2000. – 244 с.

20. Башкирское народное творчество: XIII том. Сказки о животных / Сост., автор вступ. ст. Г.Р. Хусаинова; коммент. Г.Р. Хусаиновой (в соавт. с Л.Г. Барагом, М.Х. Мингажетдиновым). – Уфа: Китап, 2009. – 200 с. (на башк. яз.).

21. Хусаинова, Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология / Г.Р. Хусаинова. – Уфа: Гилем, 2014. – 216 с.

22. Хусаинова, Г.Р. Устное народное творчество // Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – М.: Наука, 2015. – (662 с.) С. 397 – 408.

23. Хусаинова, Г.Р. Материалы: башкирские народные сказки / Г.Р. Хусаинова // Башкирский фольклор. II выпуск. – Уфа, 1995. – С. 154 – 201. (на башк. яз.).

24. Башкирское народное творчество. Хрестоматия. / Сост. Г.Р. Хусаинова. – Уфа, 2005. – 280 с. (на башк. яз.).

25. Фольклорный сборник / Сост. Г.Р. Хусаинова, Н.М. Сиражитдинова. – Уфа-Учалы-2009. – 180 с. (на башк. яз.).

26. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р // Экспедиционные материалы-2003: Зилаирский район. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 6 – 50. (на башк. яз.).

27. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р // Экспедиционные материалы-2004: Альшеевский район. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 6 – 50. (на башк. яз.).

28. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р.// Экспедиционные материалы – 2006: Бураевский район. – Уфа: Гилем, 2008. – С. 12-64. (на башк. яз.).

29. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р // Духовное наследие: фольклор свердловских башкир. – Уфа: ООО «Деловая династия», 2008. – С. 207 – 247. (на башк. яз.).

30. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Экспедиционные материалы – 2005: Янаульский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – С. 5 – 73. (на башк. яз.).

31. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Экспедиционные материалы – 2008: Балтачевский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 5 – 60. (на башк. яз.).

32. Материалы, собранные Хусаиновой Г.Р. // Экспедиционные материалы – 2009: Бурзянский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 5 – 92. (на башк. яз.).

33. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Экспедиционные материалы – 2011: Учалинский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 5 – 64. (на башк. яз.).

34. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Фольклор челябинских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2012. – С. 5 – 59 (на башк. яз.).

35. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Фольклор оренбургских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2013. – С. 5 – 104. (на башк. яз.).

36. Материалы собранные Хусаиновой Г.Р. // Фольклор курганских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2013. – С. 5 – 69. (на башк. яз.).

Статьи и тезисы

37. Хусаинова, Г.Р. Применение сравнительной методики Р.М. Волкова к изучению стиля и сюжетосложения башкирских сказок о мачехе и падчерице / Г.Р. Хусаинова // Питания и литературознания: Науковский сборник. – Львів, 1993. – С. 168 – 175.

38. Хусаинова, Г.Р. Эпос “Урал батыр” и сказка “Урал батыр” / Г.Р. Хусаинова // Башкирский фольклор: Сборник статей и материалов.– Уфа: ИИЯЛ, 2000. – Вып. 4. – С. 261 – 266.

39. Хусаинова, Г.Р. Восточнославянские и тюркские сюжеты о мачехе и падчерице / Г.Р. Хусаинова // Сравнительное литературоведение 1 Международная научная конференция, (29-31 октября 2004 г., г. Баку). – Баку, 2004. – С. 161 – 164.

40. Хусаинова, Г.Р. Башкирский фольклор как часть духовной культуры народа / Г.Р. Хусаинова // Национальные культуры Урала: самобытность,

история и перспективы взаимодействия: Материалы региональн. научн. конф. (г. Екатеринбург 23-25 мая 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – С. 137 – 141.

41. Хусаинова, Г.Р. Общие мотивы в эпосах и сказках башкир / Г.Р. Хусаинова // Духовное наследие и современная культура: текстология, освоение и изучение. Материалы Международного научного симпозиума. (г. Алматы, 12-13 октября 2005 г.). – Алматы, 2006. – С. 182 – 186.

42. Khusainova G.R. Baskurt Folklorunda Kiz-Kus Motifi / G.R. Khusainova // A.Melek Ozyetgin, A. Merthan Dundar, Ilyas Kamalov. Tarihten Bugune Baskurtlar. Tarih, Dil ve Kultur Uzerine Inselemeler. – Istanbul, 2008. – 198 – 205 б. (на турецком языке).

43. Хусаинова, Г.Р. Типологическая общность сказок о мачехе и падчерице у башкир и немцев / Г.Р. Хусаинова // Эпический и сказочный туризм: опыт Гессена и Башкортостана. Научные и прикладные исследования за 2008 г. (Серия “Золотое кольцо Башкортостана: туризм и сервис”). – Уфа: УГАЭС – ЗАО “Ак Идель Пресс”, 2009. – Вып. 6. – С. 75 – 77.

44. Хусаинова, Г.Р. В сказке быль, поэзия, урок / Г.Р. Хусаинова // Народное творчество. Личность. Искусство. Время. – № 4. – Москва, 2009. – С. 55 – 60.

45. Хусаинова, Г.Р. К сравнительному изучению сказок башкир и народов Дагестана / Г.Р. Хусаинова // Типология, взаимосвязи и национальная специфика фольклора народов Дагестана: Материалы международной научной конференции (Махачкала, 19-21 октября 2010 г.). – Махачкала, 2010. – С. 132 – 135.

46. Khusainova, G.R. Destan ve masal: kavramlar arasindaki iliski(bashkurt folklore materyallarinda) / G.R. Khusainova // “Dede Korkut ve Geçmisten Gelecege Türk Destanları”: Uluslararası Sempozyumu Bildiriler Kitabı. – Ankara, 2011. – 267 – 271 bb. (на турецком языке).

47. Хусаинова, Г.Р., Юлдыбаева, Г.В. Современное состояние башкирского фольклора. Сборник статей. – Уфа, 2012. – 196 с.

48. Khusainova, G.R. Türki halklaryň erteklerinde gyzyň kesbeniň asman jisimleri bilen deňesdirilmegi / G.R. Khusainova // Gaznalylar döwrüniň turkmen edebiýwe dünýäniň ruhy medeniýeti: atly halkara ylmy maslahatyň gysgaça beýany. / – Ashgabat: Ýlym. 2013. – 79 б. (на туркменском яз.)

49. Khusainova, G.R. About common formula of female beauty in the fairy tales of the turkic peoples / G.R. Khusainova // The turkmen literature of gaznavids epoch and world spiritual culture: abstracts of reports of the international Scientific Conference. – Ashgabat, 2013. – P. 245 – 246.

50. Хусаинова, Г.Р. Об одной формуле женской красоты в сказках тюркских народов / Г.Р. Хусаинова // Туркменская литература эпохи газнавидов и духовная культура мира: Материалы Международной научной конференции (4-5 декабря 2013 года). – Ашхабад, 2013. – С. 380 – 381.

51. Хусаинова, Г.Р. Концепт “гора” в фольклорной картине мира башкир (на материале башкирских волшебных сказок) / Г.Р. Хусаинова // Изысканный дар

Рамизу Аскеру: Материалы Международной научно-теоретической конференции (Баку, 10 января 2014). – Баку, 2014. – С. 91 – 97.

52. Хусаинова, Г.Р. Образ дэва в волшебных сказках башкир и татар / Г.Р. Хусаинова // Фольклор в системе национальных и общечеловеческих ценностей: материалы Международной научно-практической конференции. – Казань: ИЯЛИ, 2014. – С. 27 – 32.

53. Хусаинова, Г.Р. Современное состояние бытования фольклора челябинских башкир / Г.Р. Хусаинова // Живая старина. – № 1. – Москва, 2015. – С. 44 – 47.

54. Khusainova, G.R. Bashkurt halk masallari çalusmalari / G.R. Khusainova // Türk dünyasi masal arařtirmalari (Tastarkay`dan Keloglan`a). Hazirlayan – Editör: Prof. Dr. Isa Özkan. – Ankara, 2015. – 427 – 436 b. (на турецком яз.)

55. Хусаинова, Г.Р. Об импровизации в башкирской волшебной сказке в современной записи / Г.Р. Хусаинова // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: сборник статей и материалов / отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. – М.: Государственный институт искусствознания, 2015. – С. 210 – 217.

56. Хусаинова, Г.Р. Концепт «счастье» в башкирской волшебной сказке / Г.Р. Хусаинова // Миф–фольклор–литература: проблемы изучения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Э.А. Радь. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. – С. 197 – 202.